

Ярослав Зуев

Расплата. Цена дружбы

Триста лет спустя

Ярослав Зуев

Расплата. Цена дружбы

«Автор»

2005

Зуев Я. В.

Расплата. Цена дружбы / Я. В. Зуев — «Автор», 2005 — (Триста лет спустя)

Очередной эпизод замечательной бандитской саги о трех рэкетирах, приключения Атасова, Протасова, Армейца и Бандуры продолжаются. Финансовая афера, затеянная Протасовым, в финальной фазе. Охмуренная им банкирша, нынешняя свекровь бывшей жены, плывет прямо в руки вместе с многомиллионным кредитом, возвращать который у Протасова – и в мыслях нет. Правда, вряд ли деньги достанутся ему – Протасов под колпаком у Украинского, полковник сам остро нуждается в деньгах. За тем, как над головой Протасова собираются тучи, издали наблюдает Андрей Бандура. Он кое в чем осведомлен, навел мосты с Милой Кларчук, которой и невдомек, кто он на самом деле. Андрей не спешит предупреждать приятеля об опасности. Кристина исчезла без следа, ее незадачливого мужа Вась-Вася держат заложником в УБЭП, это явно неспроста, а Протасов что-то знает, но молчит. У каждого поступка своя цена, дружба стоит дорого. Андрей пускается в опасную авантюру, но криминальная война, ведущаяся олигархом Поришайло за металлургический комбинат имени Ильича, вносит коррективы в его планы. Приятели вынуждены бежать за город, где старое зло только ждет того, чтобы его разбудили новым злом.

© Зуев Я. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ярослав Зуев

Расплата. Цена дружбы

Винсенту и Федору

Глава 1

ВОЙНА

Нина Григорьевна Шарова увидела свет в городе на Неве, 6-го марта, пятьдесят четыре года назад. На календаре значился 1940-й, почитаемый китайцами годом Дракона. Название он оправдал сполна, выдавшись тревожным, кровопролитным и тяжелым. Впрочем, а каким еще быть второму году Мировой войны?

Весь предыдущий, 39-й, мир трясло, будто больного в лихорадке. Погромы хивало то тут, то там, в воздухе явственно ощущался привкус стремительно надвигающейся большой грозы. Японцы бесчинствовали в Китае. Итальянцы захватили Абиссинию, а фюрер Адольф Гитлер, успевший проглотить Австрию с Чехословакией так легко, будто те были сосисками из пивной, угрожал растерянной Европе.

Впрочем, от Дальнего Востока Гитлер был все-таки далеко. Будущая мама Нины, Соня Журавлева, проживала в общежитии Хабаровского медучилища № 2, готовясь вот-вот сделаться дипломированной медицинской сестрой. Она как раз сдавала выпускные экзамены, когда на Дальнем Востоке полыхнуло. Разразился конфликт с японцами на пограничной реке Халхин-Гол. Сою, в составе отдельного медсанбата, перебросили в район боев. Впрочем, нет худа без добра, потому как жизнь в любых условиях пробивает себе дорогу. Просто кому-то везет, а кому-то нет, что ни коим образом не меняет общей картины. Тысячи людей расстались на Халхин-Голе с головами, Соня же встретила суженого. Тридцатилетний капитан ВВС Григорий Шаров командовал эскадрилей новейших истребителей «Чайка», приданных войскам комкора Жукова. Он был старше Сони на десять лет, Впрочем, по тем временам, такая разница никого не смущала. Военные котировались на расхват. В общем, Халхин-Гол свел будущих родителей Нины с той великолепной легкостью, с какой Провидение манипулирует человеческими судьбами. Там они полюбили друг друга, там же, в стоге сена неподалеку от полевого аэродрома, зачали будущую Нину. Тут, на Дальнем Востоке, они отпраздновали офицерскую свадьбу так, как умеют только летчики. Свидетелями выступали боевой товарищ жениха Женя Романов (ему через неделю предстояло погибнуть, врезавшись в склон сопки Нурен-Обо) и единственная подружка невесты Надежда. Надю тоже ждала смерть, только под Сталинградом в январе сорок второго. Роль посаженного отца невесты играл командир авиаполка майор Бухвостов. У Ивана Терентьевича впереди была Золотая Звезда Героя за тридцать два сбитых гитлеровских самолета, проигранный воздушный бой над Ставрополем, плен и расстрел в нацистском концлагере. Впрочем, никто не знает своей судьбы, и, очевидно, это большое благо.

Ожесточенные сражения длились до середины сентября. За их гулом как-то незаметно промелькнуло начало второй мировой войны в Европе. Первого сентября фашисты напали на Польшу, а еще через пару дней Англия и Франция объявили рейху войну. Не успело отзвучать эхо над окопами Квантунской армии, как Красная армия на Западе ударила полякам в спину. Польша перестала существовать.

В первых числах октября Шаров убыл к новому месту службы, в Ленинградский военный округ. Они поселились в просторной комнате многолюдной коммуналки в самом сердце Питера, окнами на Аничков мост. Дом был старинным, а соседи приятными.

Мужа Соня видела редко, Шаров неделями пропадал на службе. Назревало «нападение» «белофиннов», и Советский Союз готовился к «обороне», дел у комэска было по горло.

Где-то на пятом месяце беременности Соню стал одолевать токсикоз. Ее беспрестанно мучило. Приступы были столь острыми, что Соне казалось, будто она скоро умрет.

В середине осени СССР «освободил» страны Балтии. А тридцатого ноября «белофинны» таки напали. Капитан Шаров отправился в служебную командировку задолго до вероломного «нападения». Вестей от него не поступало.

После тяжелейших боев на Карельском полуострове Красная Армия все же вышла к линии Маннергейма. Потери были чудовищными. Газеты о них, конечно, не сообщали. Слухи же циркулировали вовсю, вопреки не дремлющему НКВД, хватавшему болтунов для последующей отправки в концлагеря.

В феврале войска Северо-Западного фронта начали самоубийственный штурм глубоко эшелонированной обороны финнов, и финские пулеметчики, говорят, сходили с ума от устроенной ими же кровавой бойни. И, все же линия обороны была прорвана, финны откатились к Выборгу.

Ничего этого Соня Шарова, по счастью, не знала. Она мучилась неизвестностью, ложась в первый ленинградский роддом, но неизвестность была привлекательней реалий. Через пять дней Соня родила девочку.

В Питере было пасмурно в то утро. Стояла отвратительно промозглая погода, какой старжилов, впрочем, не удивишь. С низкого свинцового неба падал снег напополам с дождем, заставляя редких прохожих задираТЬ воротники пальто и плащей. Пронизывающий ветер нес с залива холодную водяную взвесь, хлестал по унылым камням мостовой и серым громадинам зданий. В роддоме же на Большом проспекте было тепло и сухо. В те времена на отоплении больниц никому и в ум бы не пришло экономить. Батареи работали на всю катушку.

– Почему он молчит? – свой голос доносился со стороны и казался чужим. Во время родов Соня охрипла. – Почему он молчит?

– Кто это, он? – старшая медсестра приняла младенца и встряхнула с невозмутимостью, свойственной медикам и палачам. Нахлебавшийся околоплодных вод ребенок разразился громкими протестующими воплями. – Кто это, он? Девочка у тебя. На вот, посмотри.

– А горластая-то какая. – Добавила акушерка. Соня без сил откинулась в кресле и опустила веки, увенчанные длинными красивыми ресницами. Тело усеяли бисеринки пота, грудь тяжело вздымалась. Будущую Нину ополоснули под краном, отчего она развопилась еще громче. Соню перетащили на каталку, положив на живот грелку со льдом.

В конце недели капитулировала Финляндия. А еще через пару дней роженицу с малышкой выписали. К огромной радости Сони, стоило ей выглянуть за порог, как прямо под крыльцом остановилась черная «Эмка».¹ Шаров на ходу выскочил навстречу жене. В длинной офицерской шинели, с большущим букетом роз он смотрелся если не прекрасным принцем из сказки, то уж, по крайней мере, героем мелодрамы с благополучным концом. Соня прижалась к мужу, всхлипывая. Он целовал ее волосы.

Вот... – сказала Соня, и заплакала. Слезы были от счастья. Уже в машине, утершись платочком, она заметила на его петлицах майорские шпалы вместо кубарей.²

– Тебя?...

– После, – улыбнулся Шаров, держа Нину трепетно и одновременно неловко. В точности, как большинство молодых отцов.

¹ Советская легковая машина «ГАЗ-М»

² До 1943 года знаки различия начальствующего состава РККА

* * *

Нинка росла крикливой, как мальчишка, хорошо набирала вес и, на счастье родителей не болела.

В апреле сорокового гитлеровцы оккупировали Данию и Норвегию, в мае Бельгию и Голландию. Государства старой Европы валились перед победоносной свастикой, как опереточные декорации на хорошем ветру. Немецкие надводные рейдеры и волчьи стаи адмирала Деница орудовали в Атлантике так успешно, что грозили Британии потере торгового флота.

После падения Бенилюкса немцы ударили через Арденны, и Франция рухнула в одночасье. В середине июня Париж пал к ногам победителей, а неделей позже фюрер принял ключи от Франции в том самом железнодорожном вагоне, в каком тридцать три года назад был подписан протокол о капитуляции Германии.

Пока в небе Британии разворачивалась ожесточенная «битва за Англию», Советский Союз прихватил Бессарабию и Буковину.

Поздней осенью Нина, сжимая мамин палец, сделала первые неуверенные шаги. Соня прослезилась в умилении. Голову Нинки мягкий, как у птенчика, пушок. Она научилась внятно говорить «мама» и «папа». Прочие слова пока поддавались расшифровке с трудом.

Шаров фактически перешел на казарменное положение, заглядывая домой, как солнце в юрту эскимоса, и у Сони, далекой в этот период от политики, начало складываться впечатление, что жизнь все больше напоминает пружину, сворачиваемую какой-то злой и неодолимой силой.

Новый 1941-й год она встречала с дочуркой. Григория срочно вызвали в часть. В девять она уложила маленькую Нинку в кроватку. Малышка обыкновенно засыпала под Лермонтова: «По синим волнам океана, лишь месяц сверкнет в небесах, корабль одинокий несется, несется на всех парусах». Когда дочка затихла, Соня всплакнула немного, глядя на елочные шарики, переливающиеся в отблесках гирлянды, купленной Шаровым по случаю в военторге. Елку они наряжали вместе. Праздновать довелось порознь.

Соня слышала, как за стеной веселятся соседи. Ее, правда, приглашали к столу, но она вежливо отказалась: Спасибо огромное, но Нинка моя немножко температурит. Я лучше с ней посижу.

* * *

В первых числах марта Шаров получил назначение на Украину, и выехал к новому месту службы. Авиапункт базировался западнее Луцка, совсем недалеко от границы. Аэродром представлял из себя обыкновенное грунтовое поле, под дождем превращавшееся в болото. Жили солдаты и командиры во временках. Соня с Ниной пробыли в Ленинграде еще около месяца, пока Шаров обустроивался и принимал дела.

В апреле война разгорелась в Африке. Чуть позже Гитлер напал на Югославию, а в мае германский дредноут «Бисмарк» задал перцу британцам, метким огнем поразив линейный крейсер «Худд». А на следующие сутки и сам отправился на дно после жестокого неравного боя.

В общем, война бушевала, все ближе подбираясь к границам СССР. Это, если от лукавого говорить, потому что череда кровавых конфликтов, в какие беспрестанно ввязывался Союз, мало чем отличалась от войны. В отечественном кинематографе принято изображать предшествовавшие двадцать второму июня дни чуть ли не сплошным праздником, где под детский смех кружатся в вальсе влюбленные парочки. На самом деле, это не совсем так. К лету экономика перешла на работу в режиме военного времени, заводы штамповали оружие, которое никто не собирался перековывать на орала. За опоздание на службу полагался срок, широко

использовался детский труд, а армия начала мобилизацию. В общем, когда меч наточен и вынут из ножен, пора кого-то рубить.

Соня и Нинка поселились в военном городке, кое-как обустроенном на скорую руку. Шаров снова дневал и ночевал на аэродроме. В часть прибыло пополнение летчиков, примечательное тем, что пилоты поголовно были сержантами. Соня поинтересовалась у Шарова, к чему бы это, но тот только руками замахал.

– А... – и выругался, помянув нехорошую женщину.

Нина, между тем, научилась ловко передвигаться на своих двоих, и у Сони прибавилось хлопот. На секунду отвлечешься, и дочка уже Бог весть где. Ох, и шустрая. Глаз да глаз.

Соня договорилась покупать парное молоко в деревне и, конечно, брала в походы Нинку. Обоим нравилось бывать на природе. К чему торчать под домом, слушая кудахтанье командирских жен, напоминающих бестолковых клуш, когда на дворе июнь. Дни погожие, вокруг поля колосятся, до горизонта. От реки свежестью веет. Кузнечики стрекочут, лягушки на мелководье квакают, стрекозы над зарослями барражируют. Постелишь прихваченный из дому плед, устроишься в тенечке, воздух сеном пропах. И цветами полевыми.

Впрочем, походы на природу недолго оставались незамеченными. Как-то, по возвращении в городок, Соню окликнула жена политрука. Комиссаршу в гарнизоне побаивались, как тройку НКВД.³ И, было за что.

– Куда это ты, милочка, шастаешь?

– А что?

– Что значит что?! – глазки комиссарши превратились в амбразуры. – Кто разрешил по окрестностям бегать? В городке места мало? Чтобы больше никаких походов. Ишь, расказакалась. Шныряет туда сюда! – Комиссарша заковыляла прочь, не удосужившись выслушать жалкий лепет про то, что она, Соня, де, комсомолка, активистка, и Ворошиловский стрелок. Такие Родину не предают. Это другие предают, которые нехорошие.

Под баракком обескураженную Соню поджидала соседка по квартире, жена капитана Головлева.

– Не связывайся с ней, – шепотом посоветовала капитанша. – В прошлом году начштаба полка забрали. Сама понимаешь, куда...

Соне не требовалось объяснять. Она была советским человеком.

– Ну, вот, – продолжала соседка, воровато оглянувшись по сторонам, – а его жене с двумя детишками, как членам семьи врага народа предписание: в двадцать четыре часа, чтоб из части вон. А куда деваться? С двумя спиногрызами и без ломаного гроша в кармане.

Соня затаила дыхание.

– Днем, ясно, никто и пикнуть не посмел, а ночью бабы собрались, сходили к ней, колхозом. Вещички раскупили. Ей, все одно, ни к чему. А деньжата пригодятся. В дорогу собрали. По-человечески. А эта лахудра, – капитанская жена исподтишка кивнула в спину медленно удалявшейся комиссарши, – баб выследила, по фамилиям переписала, и стукнула, куда положено.

Соня легко представила последствия. Ее отца, работавшего с Серго Орджоникидзе,⁴ арестовали в тридцать седьмом, и их с мамой спасло только то, что он давно бросил семью, увлекшись молоденькой секретаршей. Вскоре мама умерла от лейкемии, и чаша, какую заставляло хлебнуть НКВД, проехала мимо чудесным образом.

³ Орган внесудебной расправы, изобретенный коммунистами для экономии времени

⁴ Председатель ВСНХ, покончил с собой в 1937– м при весьма загадочных обстоятельствах

* * *

В ночь на двадцать второе Шаров вечером вернулся домой, пообещав, что воскресенье непременно проведет с семьей.

– На природу выберемся, – сказал майор, целуя Соню в висок, – с утра. А сегодня... – он взял ее за ягодицу.

– Я тебе воды нагрела... искупаешься.

Около четырех утра Шаров приподнялся в полумраке на локте. Голова спросонья казалась чугунной.

– Соня, – позвал Шаров хрипло, – ты слышишь?

Жена, пробормотав нечто невразумительное, перевернулась на другой бок. Зевнув, Шаров сбросил одеяло и, шлепая босыми ступнями, вышел на полутемное крыльцо, прихватив по пути пачку «Казбека». Смял мундштук и закурил, прислушиваясь к нарастающему гулу.

«Что за ерунда, все-таки? Откуда такая сила прет?!» — Теперь сомнений не было. С запада надвигался многоголосый хор авиационных моторов, накатывая волнами и нарастая с каждой минутой. Пока Шарапов ломал голову, откуда это возвращаются наши, светлеющее небо усеял плотный рой серебристых точек, а гул перешел в рев. Он так и остался стоять, приоткрыв рот и вцепившись в перила, когда к реву прибавился омерзительный вой, издаваемый стабилизаторами при пикировании.

– Не понял, – пробормотал майор, роняя папиросу. – Елки-палки...

Соня, в спальне, потянула на себя одеяло, особенно привлекательное по утрам. Совсем неподалеку ухнуло так, что посыпались стекла. Нинка немедленно проснулась и захныкала. Соня уселась на постели, безумно тараща глаза. Дверь распахнулась, в комнату влетел Шаров.

– Одевайся!

– Что? – пролепетала Соня, прикованная тяжестью в мочевом пузыре. – Что это, Гриша?!

– Война.

Рядом снова бабахнуло. С потолка посыпалась штукатурка. Нина заревела навзрыд.

– Собирай документы, деньги и вещи! – не своим голосом завопил Шаров. Он прыгал по комнате на одной ноге, пытаясь просунуть вторую в галифе. Пока, без особого успеха. Соня, как чумная, заметалась, не зная, за что хвататься. Мысли путались. Шаров, совладав с галифе, натянул через голову гимнастерку.

– Где фуражка?

– Я не знаю! – взвизгнула Соня.

– А, черт с ней! – он босиком нырнул в сапоги. Накручивать портянки было некогда. Это грозило нехилыми мозолями впоследствии, с другой стороны, до мозолей еще требовалось дожить.

– Планшет?! – надрывался Шаров, а пол вибрировал, как при землетрясении. Бомбы рвались без перерыва. Понятие «ковровое бомбометание» еще не вошло в военные справочники, но то, чему подвергся городок, не отличалось в лучшую сторону. Воздух пропах гарью, камни и комья барабанили по стенам. В осиротевший проем окна с визгом влетел осколок и прошел ковер с медведями. С полок посыпалась посуда.

«Сервиз жалко, – совершенно некстати подумала Соня. Шаров рванул к выходу.

– Ты куда?! – взвыла Соня, понимая, что сейчас он исчезнет. И выкручивайся, как знаешь, сама.

– На аэродром! Бери паспорт, Нинку и к штабу.

– Почему к штабу?! – закричала Соня, но он уже бежал по двору. Она метнулась за ним, Нинка из кровати заголосила. Вернувшись в дом, Соня сунула паспорт и метрику в карман, выудила деньги из шифоньера. «Куда же их засунуть?!» Лифчик оказался самым подходя-

щим местом. «Ой, *Боженька!*» — повторяла про себя Соня, хотя коммунисты отменили Бога. Подхватив орущую Нинку, она выскочила на улицу.

Бомбежка, к счастью, прекратилась. Городок заволокло дымом. Во многих местах бушевали пожары. Люди метались, как в преисподней. Кто-то орал от боли. Соня перешагнула через чье-то тело, с ужасом осознав, что тому не хватает головы.

Спотыкаясь о битые кирпичи и обломки досок, она побежала к штабу. Там царила неописуемая неразбериха. Кто-то из командиров выкрикивал команды, часто бестолковые, но их, так или иначе, никто не исполнял.

– Аэродром горит! – орал из толпы. Поглядев на запад, Соня увидела чудовищное, на полгоризонта зарево. Отсветы адского пламени играли в облаках.

– Аэродром уютжат, сволочи! – сказал боец с окровавленным лицом. Соня закачалась и едва не упала.

* * *

Полуторка доставила Шарова к аэродрому. В кузове набралось человек десять летчиков и механиков. Трое из эскадрильи Шарова, остальные соседские. Шаров оказался старшим по званию, справа очутился капитан Головлев, прочие были лейтенантами и сержантами.

– Война? – спросил капитана Шаров. Головлев повел плечами. Полуторка выскочила на летное поле и клюнула носом, уткнувшись в глубокую воронку. Пилоты с проклятиями полетели друг на друга. Капитан выплюнул зуб. Кто-то сломал руку и закричал жалобно, как ребенок.

– Вот, б-дь! – выругался капитан, вытирая окровавленный рот. – Тебе чего, повылазило! Смотри, б-дь, куда едешь!

Шаров заглянул в кабину. Водитель не подавал признаков жизни, уткнувшись лбом в рулевое колесо.

– Готов, – сказал из-за плеча капитан.

– Ты сюда посмотри! – Шаров взял капитана за локоть. Аэродром представлял жалкое зрелище. Новейшие истребители ЛАГГ-З, стоявшие скученно, как солдаты в строю, крыло к крылу, горели, словно спички в коробке. Пламя перебегало с одного самолета на другой, как огоньки по новогодней гирлянде.

– Как по лесенке, по елке, огоньки взбегают ввысь, – пробормотал Шаров. Это была детская считалочка, которой Соня пыталась обучить Нинку. «*Как они там? Господи, хорошо, хоть городок больше не бомбят*». Глухо ухали бензобаки пылающих истребителей.

– Ах, ты ж, мать честная! – присвистнул капитан. Только сейчас Шаров заметил, что ноги Головлева обуты в ношенные домашние тапки.

Победоносное вторжение в Европу, к какому готовились «сталинские соколы», закончилось, так и не начавшись. Война грянула согласно иному сценарию, не предусмотренному секретными планами операции «Гроза».⁵ Теперь ей предстояло стать Великой Отечественной. И еще Народной. Очевидно, исходя из количества народа, которому судьба была лечь в сырую землю.

Задыхаясь от копоти, Шаров, капитан и совсем зеленый сержантик побежали к чудом уцелевшим самолетам на самом краю летного поля. Шаров первым взобрался в кабину. Головлев отстал, в своих тапочках.

⁵ Согласно одной из версий разработанная Сталиным Генштабом операция «Гроза» предусматривала внезапное и масштабное вторжение РККА в Западную Европу. Нападение, якобы, планировалось на 25-е июля, и, кто знает, не упреди Гитлер Сталина, возможно западная цивилизация перестала бы существовать, а кошмарная антиутопия Джорджа Оруэлла сделалась явью

– От винта! – заорал Шаров. Двигатель взревел, выплевывая не догоревшее топливо. Через минуту он был в воздухе. Заложил вираж, с набором высоты. Картина на земле ужасала. Летное поле испещрили лунки от бомб, отчего оно напоминало облюбованную кротами поляну. Неподалеку пылал склад ГСМ. Дым подымался вертикальным столбом, как титаническая колонна из апокалипсиса наяву.

– Ад, – пробормотал атеист Шаров, смахнув пот со лба. Ключья дыма хлестали по фонарю и проносились мимо, рассыпаясь призрачными надеждами на победу в начавшейся войне.

Вслед за Шаровым в небо взмыл ЛАГГ «зеленого» сержанта. Истребитель капитана Головлева угодил при разбеге в вырытую фугасом воронку, сделал сальто, и, рухнув на кабину, взорвался, разбросав вокруг ошметки дюралья и дельта-древесины. Издали взрыв показался короткой вспышкой перегоревшей электролампы, полыхнувшей, чтобы погаснуть насовсем.

– Эх, пацан, – Шаров отвлекся на секунду. *«Разве можно подготовить пилота за паршивых три месяца? Кто это вообще придумал?»*

Радиосвязь между самолетами отсутствовала. Как только второй истребитель пристроился ведомым, Шаров развернул ЛАГГ на запад, вдогонку уходившим налегке «Юнкерсам».

– Будем карать гадов, – сквозь стиснутые челюсти процедил Шаров, и жажда мести вытеснила из души страх и сомнения. О Соне он в тот момент не думал. Соня оставалась на земле.

* * *

Брошенная на произвол судьбы, она торчала у штабного барака. Как ни странно, он почти не пострадал от бомб. Фугасы перекопали плац, и агитплакаты с бодрими физиономиями красноармейцев выглядели списанными из тира мишенями. Несколько бомб угодили в командирское общежитие, пробив жестяную крышу и разорвавшись на первом этаже. Барак сложился как карточный домик, похоронив под обломками обитателей. Из-под руин молили о помощи, вскоре крики прекратились.

Хотя бомбы и обошли штаб, это не меняло общей картины. Штаб остался без полка, как голова без конечностей и туловища. Что и доложил его начальник командиру.

– Ни единого целого самолета, товарищ подполковник. Все, к чертям собачьим, сгорели.

– Хотя бы кто-то взлетел? – спросил комполка с надеждой.

– Неизвестно, Артем Иванович. Таких данных у меня нет.

– А что у тебя вообще есть?! – крикнул комполка, хватаясь за седые виски, словно крестьянин на пепелище, увековеченный в мраморе Чижовым. *«Расстреляют меня, – не без оснований предполагал командир. – За такое головотяпство и на два «Красных Знамени» за Испанию не посмотрят, и поощрениями от самого Ворошилова подотрут. Просрал полк. Ох, б-дь...»*

Пока он пребывал в прострации, бойцы подвезли на двуколке воду. Стихийно образовалась цепочка. Вода в огне превращалась в пар, и горело еще сильнее, чем прежде. Командир стоял и смотрел в одну точку.

Соне стало страшно. Она крепче притиснула Нинку. Дочка охрипла от крика и теперь надсадно кашляла. Гарь ела глаза.

«Ну, и куда теперь?» – думала Соня. – *«Может, домой вернуться, пока все не образуется?»*

— Как едва ли не каждый обыкновенный человек она еще верила в то, что все вскоре встанет на свои места, подтянутся наши, и надают «поджигателям войны» по мягкому месту. Потому как «...несокрушимая, родная армия...» из популярной в войсковых частях строевой песни кому угодно Кузькину мать покажет, причем на его же территории. Бесноватому Фюреру в том числе.

– Твой где?! – крикнула в ухо соседка, жена капитана Головлева. Она уже около четверти часа была вдовой, хотя пока об этом не знала. Капитан догорал в ЛАГГе, спрессованный между бронеспинкой и мотором.

– Григорий на аэродром поехал, – сказала Соня. – А твой!

– Значит, с моим вместе. Юрка сразу туда рванул. Сапоги дома забыл.

– Сапоги? – переспросила Соня, и тут, через гул и шипение пожара, через крики солдат и командиров донесся сухой треск выстрелов.

– Что это? – сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

– Где? – переспросила капитанша. Ее слегка контузило при налете, и слух не восстановился вполне. – Стреляют?! Где стреляют?!

Темп стрельбы нарастал. Теперь ее услышали и другие люди. Повернули головы в сторону выстрелов, став похожими на героев известной картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». А потом с околицы долетел металлический лязг десятков, если не сотен, гусениц.

– Танки! – истошно завопил кто-то. Люди бросились врассыпную.

– Без паники! – крикнул начштаба и дал пару выстрелов в воздух. На фоне нарастающего грохота его пальбу навряд ли кто услышал. Соне почудилось, что они с Нинкой остались одни. Что все давным-давно убежали, а у нее ступни прилипли к земле. Как в кошмарном сне. Затем известковая стена одной из казарм обвалилась и, в поднявшемся облаке пыли Соня увидела танк. Его хищный бронированный корпус казался свинцово-серым, люки были задраены, а за башню зацепилась сетка металлической солдатской кровати. Потом она отвалилась. Башня сделала пол-оборота. Ствол пушки дрогнул и изрыгнул пламя. Грохот долетел до Сони через секунду и она, на мгновение, оглохла.

– Что ты стоишь, дура?! – капитанша потащила Соню за угол. – К лесу! К лесу бежим!

Соня помчалась со всех ног, прижимая Нинку к животу. Женщины пронеслись улочками обреченного военного городка. Дальше простиралось поле, а метров через пятьсот началась березовая роща с вкраплениями сосен и осин. Позади не утихала стрельба. Немецкие танки остановились, пропустив вперед пехоту. Солдаты караульного взвода и отдельные летчики отстреливались из-за домов, но были в считанные минуты сметены. Летчики сильны в облаках, а пехота – царица полей. Одна из танковых рот отклонилась, чтобы покончить с аэродромом. Танки таранили лбами беспомощные на земле истребители, довершая учиненный бомбардировщиками разгром. А затем, обогнув городок с востока, замкнули кольцо окружения.

Командир истребительного полка, пара офицеров и дюжина бойцов засели в штабном бараке, пылающем с четырех сторон. Когда их осталось только трое, а патроны и гранаты вышли, раненый в обе ноги командир поблагодарил подчиненных за службу и истратил последний патрон на себя. Старлей и старшина, не сговариваясь, шагнули из руин, задрав руки.

Соня и капитанша подбегали к опушке, когда сзади хлестнул пулемет. Капитанша, охнув, повалилась лицом в траву. Соня тоже упала, едва не раздавив Нинку. Над головой провизжали трассеры. Стрелок фашистской бронемашины выпустил по беглянкам десяток пуль и повел стволом дальше, удовлетворенный проявленной меткостью. Фигурки исчезли в колосющейся ржи. Соня, лежа, обернулась к капитанше, и прикрыла ладошкой рот.

– Ой, Господи, – всхлипывала она, по-пластунски пробираясь к лесу. Ребенка пришлось волочить, как рюкзак. Нинка, естественно, зашла в плаче. – Заткнись, дура! Заткнись!

Вскоре они были под спасительной сенью деревьев. Ощупав ребенка и убедившись, что руки-ноги целы, Соня пошла через чащу. Не соображая, куда. Лишь бы подальше от фашистов.

Под внезапным сокрушительным ударом любой армии приходится несладко. Красная не стала исключением. Войска откатывались неорганизованными потоками, спонтанно огрызаясь на напирających фашистов. Штабы утратили связь и управление, царили неразбериха и

паника. Противник прочно владел инициативой. Танковые клинья рвали наспех организуемую оборону. В небе господствовало Люфтваффе.

* * *

Около шести утра, 22 июня, по раздолбанному проселку, километрах в сорока от границы, катила советская полуторка, выкрашенная в цвет хаки. Водила, новобранец с лицом десятиклассника, крепко держался за баранку, не спуская глаз с дороги. Справа от водителя сутулился командир, ерзая ягодицами по лавке.

– Давай, Снижко, давай! – подгонял время от времени командир. – Жми! Пока они нас тут не захлопнули, как крыс в мышеловке.

– Жму, товарищ старший лейтенант, жму!

Положение было отчаянным. Немецкая моторизованная колонна, судя по издаваемому рыку, двигалась параллельным курсом, только немного южнее, постепенно забирая к северу, и вопрос состоял в том, успеют ли они прорваться к своим или наткнутся на немецкие бронемашинны. Последнее означало либо смерть, либо плен, а в плен красноармейцам сдаваться не положено, а командирам тем паче. Как там выдумали в ЦК, русские не сдаются, так что ли?

– Жми, бля!

– Да жму я, товарищ старший лейтенант! Жму!

В кузове на ухабах подсакивали трое одетых в хаки мужчин. Один был богатырского телосложения артиллерийским старшиной с перевязанным кровавой тряпкой лбом, двое других из Лубянского ведомства. Молодой, кареглазый чекист с лицом хорька носил на небесно голубых петлицах по два командирских кубаря сержанта Государственной безопасности. Второй был при шпалах армейского полковника, соответствовавших званию капитана ГБ.⁶ Старший из чекистов буквально исходил потом. Жидкость катила по его круглому, словно тыква лицу градом, лысый как колено череп лоснился от влаги. Капитан ГБ раз за разом снимал фуражку, промокая лысину батистовым платочком с вензелями.

«На конфискации, видать, добыл, – с неприязнью думал артиллерийский старшина, но, язык, естественно, держал за зубами. – Башка плюговая, как у Гришки Котовского.⁷ Такой только солнечные зайчики пускать, в глаза врагам мировой революции», – его собственная, перевязанная кровавой тряпкой, гудела колоколом, а удары пульса отдавались в висках. Война застала старшину на марше. Его артиллерийский гаубичный полк скрытно, под покровом ночи выдвигался к границе, когда на рассвете был неожиданно атакован фашистами. Немецкие танки выскочили из стелющегося по земле тумана, круша артиллерийские тягачи и давя гусеницами лафеты гаубиц. Солдаты и командиры падали под кинжальным пулеметным огнем. И десяти минут не прошло, как от полка остались одни рожки да ножки, как некогда бабушка старшины говаривала. Выжившие кинулись наутек. Немцы их не преследовали.

В лесу старшина отбил от своих, после контузии он несколько раз терял сознание, и вероятно, его посчитали мертвым. Так он, по крайней мере, полагал. Ранним утром старшину милостиво подобрала в кузов полуторка. Старший лейтенант, порученец командира танковой дивизии, возвращался с передовой в штаб. Война подкараулила его в пути. Теперь старлей психовал, сомневаясь, что найдет комдива в пункте назначения. Судя по несмолкающей канонаде, бои шли несколько восточнее. Это говорило о скорости продвижения немцев и о том, что они вот-вот очутятся в окружении. Если уже не очутились.

⁶ В СССР служба в политической полиции считалась куда почетнее военной. В соответствии с этим принципом одинаковые звания в РККА и ГУГБ НКВД отличались на несколько порядков. Например, звание капитана ГБ соответствовало армейскому полковнику, и так далее

⁷ Революционер с уголовным прошлым. Убит при загадочных обстоятельствах в 1925 г.

Не успела полуторка приютить старшину, как дорогу заступили двое. Один энергично замахал руками, второй, для верности, вытянул из кобуры «Маузер» и дал пару выстрелов над кабиной. Водила нажал на тормоза. Старлей еле успел выставить руки, и потому не расквасил нос. Старшина в кузове повалился на пол, ударившись многострадальной головой о борт. Из глаз посыпались искры, сразу возобновилось кровотечение.

– Чтоб ты, курва, сдох! – выкрикнул в сердцах старшина.

– Какого черта?! – завопил из кабины старлей. – Что вы себе позволяете, товарищи?!

– Закрой поддувало! – низкорослый капитан ГБ заскочил на подножку полуторки. – Кто такие? Документы! Живо!

Разглядев знаки различия ГБ, старлей прикусил язык.

– Машина порученца командира двенадцатой танковой дивизии, – доложил за старлея водитель. – Направляемся в штаб дивизии.

– Тебя не спрашивают! – рявкнул капитан. – Бумаги давай!

Артиллерийский старшина в кузове затаил дыхание, надеясь, что ГэБисты не расслышали пожелания подохнуть. *«Кажись, я не громко сказал?»*

Мельком просмотрев бумаги, капитан, было, собрался занять место старлея в кабине.

– Еще долбанут, из кустов... – заметил сержант ГБ. Это скорректировало планы. ГэБисты полезли в кузов.

– Ты кто такой? – спросил капитан через минуту. Старшина, приложив ладонь к кровавым бинтам, представился.

– Дезертир, б-дь?

– Никак нет, товарищ капитан государственной безопасности.

ГэБист смерил старшину взглядом, потом оглянулся на рев немецких танков за деревьями, совсем неподалеку и, очевидно, решил, что с допросом разумнее повременить. Немцам голубые околыши до лампочки. Даже наоборот, как для быка красная тряпка.

– Давай, трогай! Потом разберемся.

Приблизительно до половины седьмого полуторка продиралась через сосновую чащобу. Деревья стояли стеной, в воздухе пахло смолой и мхом. Картина была бы мирной, если б не канонада и рев неприятельской бронетехники. Капитан ГБ, вслед за старлеем, начал подгонять водителя.

– Гони, давай! Ты что, б-дь, заснул?! В плен собрался?! Дезертир, б-дь?!

Водитель сквозь зубы выругался:

– Час от часу не легче.

Ближе к семи лес стал перемежаться редколесьем. Чувствовалось, что опушка не за горами. *«Тут-то все и решится»*, – нутром почувствовал старшина. Неожиданно водитель опять резко затормозил. Тройка в кузове посыпалась друг на друга кубарем.

– Какого буя?! – завопил младший ГэБист. При падении он разодрал щеку. – Ах, черт, кровь... кровь...

«Мало, – подумал артиллерийский старшина. – Жаль, что ты себе, курва, брюхо не распорол. До кишок».

– Заткнись! – рявкнул сержанту капитан. – Боец?! – последнее относилось к водителю. – Что, немцы?! Немцы впереди?!

– Баба, товарищ капитан, – оправдывался Снежко. – Женщина, то есть. С дитем. Прямо под колеса выскочила, дура!

– Какая баба?! – осатанел старший ГэБист. – Какая, б-дь, баба?!

– А вот, товарищ капитан государственной безопасности.

– Товарищи! – задыхаясь, сказала Соня Шарова. Родные! – она всхлипывала от счастья.

– Кто такая? – заскрипел капитан. Нараставший металлический лязг действовал ему на нервы.

– Шарова Соня... ой, Софья Платоновна. Жена майора Шарова из такого-то истребительного...

– Документы! – перебил капитан. Соня осеклась.

– Документы?

– Ага. Документики есть, гражданка? – капитан протянул руку.

– Должны быть... – пролепетала она, дрожащей рукой ощупывая карманы. Нинка здорово стесняла движения. – Сейчас... куда же я их засунула?... – пока она оправдывалась, пятеро мужчин в хаки смотрели на нее молча. – Понимаете? Нас на рассвете разбомбили. Я только за ребенка, и тут танки! А Григорий... Григорий на аэродром понесся. – Чувствовалось, что она вот-вот заплачет.

Сержант ГБ скорчил недоверчивую гримасу, и артиллерийский старшина испытал пугающе сильное желание поглядеть, каково будет его лицо, когда в пузо воткнется трехгранный штык. Под влиянием этого наваждения старшина стиснул винтовку Мосина ладонями, которыми только подковы гнуть. На счастье, капитан ГБ смилостивился.

– Ладно, лезь сюда. Успеем с тобой разобраться.

Старшина отложил винтовку.

– Давайте мальчонку, барышня.

Сержант ГБ посмотрел на старшину с интересом.

– Это девочка, – сказала Соня. Капитан, бывает и такое, подал женщине руку. Лишь бы тронуться быстрее. Соня перевалилась через борт.

В семь утра с запада послышался гул авиационных моторов, и вскоре в небе показались самолеты. Не менее полусотни бомбардировщиков в сопровождении истребителей прикрытия. Самолеты перли на восток.

– Немцы, – сказал старшина. Гэбисты сразу забеспокоились.

– В лес сворачивай! – приказал лысый капитан. Снижко крутанул рулем, и они въехали под разлапистые ели. Порученец комдива выругался. Старшина сплюнул через зубы. Ветви забарабанили по машине. Сержант ГБ опрометчиво выставил голову и схлопотал смолянистой метелкой по физиономии.

– Ты это специально устроил? – крикнул сержант, стуча по кабине. – Смотри, куда прешься, идиот!

– Посмотрите, товарищи! – воскликнула Соня.

Образцовый строй гитлеровских бомбардировщиков сломался. Один самолет, издали казавшийся крохотной серебристой точкой, свалился в самую середину фашистских порядков. Сухо застучали скорострельные авиационные пушки. В небе началась свистопляска.

* * *

Когда Шаров обнаружил очередную группу фашистских самолетов, топлива оставалось минут на пятнадцать, боекомплект пушки был на исходе, а система охлаждения дышала на ладан. ЛАГГ скверно слушался рулей. Шаров из кабины видел пробоину в левой плоскости, оголенные лонжероны и, сквозь них, землю далеко внизу. ЛАГГ и без повреждений был невероятно капризен в управлении, заслужив у летчиков дурную славу и мрачное прозвище «лакированный гарантированный гроб».

В первом же бою Шаров потерял ведомого. «Прыгай!» – кричал майор, провожая сорвавшийся в штопор ЛАГГ. Но, летчик остался за штурвалом. Гибель ведомого больно зацепила Шарова. Хоть была не первой и не последней в списке, открытом к заполнению на заре.

Оставшись в одиночестве, Шаров вернулся к аэродрому, рассчитывая пополнить боезапас и заправить полные баки. Найти аэродром не составляло труда, столбы дыма служили вели-

колепным ориентиром. На околице военного городка Шаров увидел длинную колонну бронемашин.

– Не понял?! Это что за техника?!

На втором заходе колонна ощерилась огнем. Перебросив сектор газа, Шаров свечой взмыл к облакам. Заложил вираж. Снизу стучали зенитные пулеметы, впрочем, не причинив истребителю вреда.

– Соня, – прошептал Шаров и заплакал. – Нинка! *«Господи?! Что же делать?! Сесть? Это наверняка плен. Или смерть. Это предательство!»*

«Может, они уже мертвы?» – у жасная догадка вошла в голову, как раскаленное шило в пенопласт. *«Все кончено. Кончено. Точка».*

Шаров оглянулся на городок, но тот затянуло дымовой завесой. Теперь оставалось только мстить, потому что месть – последнее утешение. О смерти Шаров не думал. Ему было плевать.

Высотомер показывал 3500 метров, и было очень холодно, когда он заметил очередную бомбардировочную группу. Полсотни «Хенкелей» шли свиньей, плотно, словно тевтонские рыцари из учебника истории. Чуть выше держались истребители прикрытия. Шаров принял решение атаковать фашистов и биться до смерти, потому как победой, при таком численном превосходстве противника и повреждениях, которые уже имел ЛАГГ, не пахло даже в принципе. Майор ее и не искал. Шаров мечтал о смерти.

Забравшись на четыре тысячи метров, он камнем свалился в самую гущу гитлеровцев. Немцы не ожидали нападения. В то утро советские истребители им не докучали, догорая на земле.

Первые же снаряды угодили в цель. Один бомбардировщик, задымив, с воем понесся к земле.

– Готов! – вопил под колпаком Шаров, выбирая штурвал на себя. Немецкие истребители, опомнившись, ринулись на перехват. Трассеры оцарапали небо под самым хвостом ЛАГГа. Разминувшись с «Мессерами» на встречных курсах, майор снова атаковал бомбовозы, встретившие его плотным заградительным огнем. ЛАГГ дважды трянуло, как автомобиль на колдобине. Он одновременно нажал гашетки орудия и четырех пулеметов. Ближайшему «Хенкелю» снесло фонарь под фюзеляжем, и стрелка выбросило за борт вместе с какими-то обломками. А потом и сам бомбардировщик, вспыхнув, переломился напополам. Секунда, и Шаров проскочил сквозь немецкий строй. Небо стало чистым. Только синева без дна и фронт облаков у горизонта.

– Держитесь, гады! – кричал майор, сваливаясь в пике, чтобы оторваться отседающих «Мессершмидтов». Он опоздал на какую-то секунду. Самолет дернулся, как больной в зубо-врачебном кресле. Полетели куски плоскостей. Шаров налег на штурвал, но не тут-то было, видимо, заклинило тяги. Мотор захлебнулся. ЛАГГ, вращаясь, устремился к земле.

* * *

Пассажиры полуторки застонали в один голос, когда изрешеченный противником ЛАГГ исчез за кромкой леса.

– Отлетелся парень, – пробормотал старшина. – А здорово он им всыпал...

– Задал перцу! – с восхищением добавил старлей. Он целиком вылез из кабины и теперь стоял на подножке.

– Поехали, давай! – приказал капитан ГБ.

– Может, летчика поищем? – предложил артиллерийский старшина.

– Трупов, б-дь, не видел? – оскалился сержант ГБ.

– Может, он живой?

– Как же, живой!

Артиллерийский старшина повел плечами. Плечи были широкими, богатырскими.

– Отставить разговоры. Поехали. – Приказал капитан ГБ.

К полудню тропа вывела грузовик из леса. Впереди раскинулась широкая, заболоченная пойма реки. Посреди топей возвышалась дамба, ведущая к узкому и высокому мосту. И мост, и дамба были забиты отступающими частями. Войска накатывали волнами. Вражеских самолетов, к счастью, видно не было, зато следы их визитов попадались на каждом шагу. Берег реки был перепахан вдоль и поперек, у моста колесами кверху валялся армейский грузовик, несколько подвод с вывернутыми оглоблями и лошадиные трупы. Нечего было даже думать прорваться через мост на машине. Первыми слезли ГэБисты. И затерялись в толпе, не попрощавшись. За ними из кузова выбрался старшина. Соня с ужасом подумала, что сейчас снова окажется одна.

– Давай, помогу. – Артиллерист, обернувшись, протянул руку. Дальше придется пешкодралом...

– Спасибо вам. – Она прослезилась. Это его смутило.

– Чего уж там. Держись рядом. Видишь, экая давка образовалась.

Обстановка на переправе осложнялась с каждой минутой. Войска накапливались на западном берегу, но, где-то посередине произошел затор. Задние напирали на передних. Вскоре люди стояли плечом к плечу, плотно, как патроны в обойме.

– Уф, – отдувался старшина, заслоняя Соню с Нинкой торсом. Благо, торс был, как у медведя. – Ух, стой, куда прешь, твою мать, не видишь, баба с дитем. Гляделки дома забыл? А ну, отвали, пока башку не отвернул!

Кто не был в раскачивающейся, подобно гигантскому маятнику, толпе, тому не понять охватившего Соню ужаса. Дышать стало тяжело. Со всех сторон навалились тела. Толпа казалась единым, противоестественно большим организмом, движущимся неведомо куда и зачем.

– Если фрицы нагрянут, – прохрипел слева старшина, – плакали наши дела.

Кто-то отчаянно закричал, придавленный к металлическим ограждениям. Кто-то сомлел, и его немедленно растоптали. Пара человек прыгнули в реку и со шлепками скрылись под водой.

– Я больше не могу! – хрипела Соня, чувствуя, что тонет в толпе, как в трясине. Ноги не касались земли, это было удивительно, но, сил удивляться не осталось. Чудовищные песочные часы встали намертво.

– Дите давай! – старшина подцепил Нинку за шиворот и поднял над лесом голов. Если бы он был среднего роста, ребенок наверняка бы погиб. Но, старшина был гигантом. Через секунду Нинка сидела на его могучей холке, как наездник на боевом слоне. Толпа, дрогнув, медленно пошла вперед.

– Нинка?! – крикнула Соня.

– В порядке Нинка. Держись!

Если пару минут назад Соне казалось, что она погребена заживо, то теперь ее подхватил поток. Стремительный и чрезвычайно опасный. Несколько раз ноги подворачивались, а жизнь повисала на волоске, но, сильная рука старшины поддерживала ее на плаву, готовую исчезнуть навсегда.

– Держись! – заклинал артиллерист. – Упадешь, затопчут!

За несколько метров до моста они увидели отделение тяжелых танков КВ.⁸ Широкие гусеницы и массивные борта машин были заляпаны грязью, скрывавшей опознавательные знаки. Видимо, танки проделали долгий марш. Механики-водители выглядывали из люков. Несколько танкистов спустились с брони, пытаясь навести на мосту порядок.

⁸ Аббревиатура расшифровывается как Клим Ворошилов

– А ну, осади! – командир в промасленном черном комбинезоне размахивал над головой пистолетом. – Осади, мать твою! Кому сказал?!

– Пошел ты! – огрызались из толпы. Но, все же, большинство были рады самозванным регулировщикам. **ВЛАСТЬ ВАЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА НЕ СУЛИТ ВЫГОД, ПОЧЕСТЕЙ И БЛАГ. ЭТО ИМЕННО ТЕ РЕДКИЕ МОМЕНТЫ, КОГДА ОНА МОЖЕТ ПОПАСТЬ В ДОСТОЙНЫЕ РУКИ.**

– Расступись! – орал танкист. Из-под сдвинутого на затылок танкошлема выбился огненно рыжий вихор. – У второго пролета грузовик застрял. В реку его, к чертовой матери!

С запада долетело несмелое пока жужжание, вроде комариного писка. По толпе пронесся стон.

– «Юнкеры», – прошептал Старшина. – Ну, все, приплыли.

* * *

Когда пробка начала рассасываться, к переправе подкатила кавалькада черных легковых «Эмок». Разъяренный толстяк с комкоровскими ромбами⁹ напустился на рыжего танкиста с такой злобой, словно считал того повинным не только в заторе, но и в катастрофическом начале войны. Старшине и Соне было плохо слышно издали, но слова «саботаж», «трибунал» и «к стенке» достигли их ушей. Танкист не полез за ответом в карман. Обстановка не способствовала чиновничеству. Задницы удобнее лизать в кабинетах. На передовой у них какой-то иной вкус. Комкор схватился за пистолет.

– Пристрелю собственной рукой! – орал он. Из «Эмок» вывалила свита. Все были взвинчены до предела. Никто не попытался удержать руку комкора. Рев авиамоторов уже не походил на комариный писк.

– Дождались, – выдохнул старшина. – Плавать умеешь, родная?!

– Что делать?! – она вытаращила глаза.

Первые бомбы угодили в реку, выбив многометровые фонтаны. Потом одна или две попали в насыпь. Комья земли полетели в разные стороны. В двух шагах от Сони раздался взрыв матов, а затем прозвучал выстрел, показавшийся не громче хлопка в ладоши. Обернувшись, она увидела рыжего танкиста, упавшего перед комкором на колени. Рыжий хватался за живот, из которого толчками брызгала кровь. На его чумазом лице читалось недоумение. Не страх, не злоба, а именно недоумение: «Как же так? Как же так?» Комкор отступил на шаг, пряча «ТТ» в кобуру.

– Поехали, быстро!

– Убил, – сказал танкист, и ткнулся лбом в проселок.

Комкор со свитой успели забраться в «Эмки», когда двигатель головного КВ выплюнул из кормы мощную струю выхлопных газов. Танк с лязгом развернулся на пяточке. Не успела Соня открыть рта, как первая «Эмка» исчезла под гусеницами, смявшими легковушку, будто яичную скорлупу. Перекатив через то, что только что было машиной, танк раздавил вторую. Лишь стекла брызнули, когда со скрежетом порвалась крыша. Третья «Эмка» пробовала улизнуть задом. Сорока пяти тонная махина легко настигла виляющую из стороны в сторону легковушку. Едва гусеницы прищемили капот, «Эмка» встала на дыбы. Передние колеса исчезли, задние взлетели над дорогой. Соня в ужасе разглядела белое лицо водителя. Злополучный комкор сидел рядом с вытаращенными глазами и открытым ртом. В следующее мгновение танк взобрался на крышу «Эмки», и для ее пассажиров война закончилась. Как и все остальное.

– О, Господи! – всхлипнула Соня, остолбенев. Немцы методично утюжили переправу. Красноармейцы прыгали в реку, ища спасение в воде.

⁹ Звание, примерно соответствующее генерал-лейтенанту

– Лежать! – крикнул старшина и дал Соне подножку. Падая, она ушибла локоть. Потом они скатились в кювет. Крупнокалиберные пули забарабанили по насыпи, подняв пыльные фонтанчики там, где они только что стояли. Бомба врезалась в дальний пролет моста, металл подался со стоном, и конструкция как бы нехотя осела в воду. Взрывная волна растрепала Сонины волосы.

– Танк в реку провалился! – кричали откуда-то сверху.

– Надо отсюда тикать! – сплевывая песок, сказал старшина. Подняв голову, Соня обнаружила, что он накрыл Нинку телом, словно щитом. – Видишь те заросли камыша?!

Штурмовики пошли на боевой разворот. Это предоставляло шанс спастись. Не исключено, что последний.

– Ну-ка! – старшина поставил Соню на ноги. Самой бы ей не подняться. – Бегом марш!

Обе прикрывавшие мост зенитки исчезли. Только из воронок вился дымок, да валялись горы стрелянных гильз. Мост горел в нескольких местах. Главный пролет обрушился.

– Не могу! – скулила Соня.

– А ты через «не могу»!

Немецкие самолеты пошли на второй заход.

– Сейчас вмажут! – предрек старшина. – На, держи дите!

Соня обняла Нинку, решив, что он сейчас убежит. Вместо этого, старшина подхватил их на руки: – Ух, е-мое! Вы что, гантели глотали?!

Пока Соня удивлялась способности шутить за пол шага от смерти, старшина, пыхтя как паровоз, понесся к камышам с двумя ношами в руках. Благо, сила в нем была необыкновенная.

* * *

Они расположились на ночлег в поросшей густым кустарником балке. Было зябко, после купания. Нинка расчихалась. Старшина нарезал ветвей, соорудив некое подобие шалаша. Соня заикнулась о костре, но он и слышать не захотел.

– Заметят. Засекут, и пиши пропало.

– Так ведь немцев не слышно, – возразила Соня. Было, действительно, противоестественно тихо. Только листва колыбалась на ветру, да сова ухала неподалеку. Солнце скрылось за соснами, в лесу темнеет быстро.

– Не немцы, так местные, – покачал головой старшина. – Местные похуже немцев будут.

Соня выразила недоумение, но он отвернулся, дав понять, что разговор окончен. Выудил из вещмешка кусок сала с кулак, и положил на расстеленную поверх шинели тряпицу. Добавил краюху ржаного хлеба и соль в полотняном мешочке. Повертел в руках железную банку мясных консервов, как бы колеблясь, открывать или нет. От таких разносолов Сонин живот изменчески заурчал. Усмехнувшись, старшина принялся стругать сало тонкими аккуратными ломтиками.

– Жаль все-таки, что костра нет, – посетовала Соня. – Я б дочке супчик сварила. Чтобы не всухомятку.

– Давай до завтра потерпим, – он отложил нож. – А там, даст Бог, к своим выйдем.

Соня напоила Нинку из пузатой солдатской фляги, напилась сама, протянула старшине.

– С водой у нас не густо, – констатировал тот, делая большой глоток. – Надо будет где-то набрать.

– Я ей сала дам, – сказала Соня, отодвигая банку тушенки. – Пускай будет про запас. А то, вдруг мы завтра наших не найдем...

После скромного ужина Соня убаюкала дочку, уложив спать на шинели старшины, расстеленной поверх еловых веток. Шинель была большой, хватило и лечь, и укрыться. Под мир-

ное сопение Нинки, Соня и сама скоро прикорнула. После суток мытарств шинель казалась периной.

– А вы? – сквозь дрему спросила Соня.

– Ты спи, – откликнулся старшина. – Я покараулю. – Вооружившись кисетом и папиросной бумагой, он ловко свернул козью ножку. Чиркнул зажигалкой. Запах курева щипнул Сонины ноздри, и это было последнее прикосновение реальности.

Сон оказался подстать действительности. Соне приснился Шаров. Его истребитель падал, объятый пламенем. Шаров хотел сорвать фонарь, но замки заклинило намертво. «Попробуй этим!» – крикнула неизвестно каким образом очутившаяся в кабине Соня. И протянула банку тушенки из вещмешка старшины. «Молодец!» – Шаров совсем не удивился Соне. И тут же хлопнул себя по лбу: «Ах, черт. Парашют-то у нас один на двоих». «Как один?» – испугалась Соня. Шаров отстегнул лямки: «Возьми». «А ты?» – всполошилась она. «Обо мне не думай. – Шаров подтолкнул ее к краю пропасти. – Выкручусь. Не впервой». Соня категорически отказалась. «Нет, нет и нет!» Ему пришлось сдаться: «Ладно. Давай по-другому». Парашют снова оказался на нем. Он заключил Соню в объятия. «Держи меня крепко-крепко». «Держу, Гриша, держу». Они вместе соскользнули с крыла. Соня сцепила пальцы замком, лбом вжавшись в отворот летчицкой куртки. Воздух свистел в ушах, а чувство падения захватило целиком, вытеснив куда-то все прочие. «Осторожно!» – предупредил Шаров, выдергивая кольцо парашюта. Над головами хлопнула парусина. Обоих сильно встряхнуло. Соня хотела облегченно вздохнуть, когда вспомнила о Нинке: «Гриша?! Мы же Нинку забыли!»

Ей стало так страшно, что она, закричав, очнулась, задыхаясь, как пловец, вынырнувший с большой глубины.

«Господи, это же просто сон».

Впрочем, облегчение было не долгим. Сон рассыпался, как туман, оставив Соню в реальности, которая тоже смахивала на кошмар. Картины вчерашнего дня встали перед глазами, такие страшные, что она бы с радостью усомнилась в том, что они творились наяву. То она металась по городку, а на голову сыпались бомбы, то бежала по полю, а фашисты стреляли в спину. То задыхалась на мосту, где рыжий танкист снова и снова падал на колени перед комкором, умирая несчетное число раз.

«Пожалуйста! Я больше не хочу».

Лес в предрассветных сумерках затаился, полный призрачных теней. Над зарослями клубился туман, укутывая подножия вековых сосен, величественных, словно колоннада античного пантеона. Нинка закашлялась из-под шинели, укрывавшей ее с головой. Кашель был сухим, тревожным. Отодвинув тяжелый воротник, Соня пощупала лоб ребенка. Потом поискала глазами старшину. Артиллерист спал, устроив голову на здоровенном кулаке. Его тело в сумерках походило очертаниями на вывернутый из земли корч. Соня обняла дочурку и попыталась уснуть.

* * *

Весь следующий день они не столько шли, сколько крались, держась чащи. Каждое редкое лесье вызывало опасения, каждая просека дышала опасностью, каждая пустошь пугала, заставляя делать крюк за крюком. Немецкие танки давно ушли вперед. Дороги были перегружены пехотой, марширующей за танковыми клиньями. Пару раз Соня и старшина прятались в кустах, наблюдая движение войск. Старшину поразило обилие лошадиных упряжек. Лошади тянули подводы с амуницией, волокли орудия и полевые госпиталия.

– Кто бы про высшую расу трепался, – шипел он из укрытия. – Монголы засранные.

Соне было безразлично, трактора у завоевателей, или лошади с верблюдами. «А хоть бы и боевые слоны». Ее куда больше заботила Нинка. Дочь кашляла без перерыва. Из носу текли сопли. «Ей бы горячего чаю с медом и калиной, да горчичники на спину».

Ночевать снова пришлось в лесу. Для стоянки старшина подобрал хорошо защищенный от чужих глаз укромный овражек, опять соорудил постель из ветвей и шинели. С тревогой покосился на Нину – к вечеру у той подскочила температура. Девочка надсадно кашляла.

– Сейчас хвороста на костер соберу.

Через час в импровизированном очаге трещал огонек. Старшина помешивал ложкой густой кулеш, сваренный из тушенки, сала и крупы.

– М-м-м, – он снял пробу.

– Господи. Что бы я без вас делала... – пробормотала Соня, глядя в костер. Языки пламени, весело потрескивая, лизали березовые поленья. Идущий из котелка запах приятно щекотал ноздри. Пахло исключительно аппетитно. Днем им случилось пробираться огородами, и старшина не оплошал, прихватив зеленого лука, немного молодого картофеля, морковь и петрушку. А потом они набрали на кусты дикой малины. Плоды еще не дозрели, но старшина все равно нарвал, сколько смог.

– Вечером чайку заварим, – пояснил он. – А то, ишь, разбухикалась, понимаешь.

Первым делом Соня накормила Нинку. Девочку лихорадило, но Соня исхитрилась таки дать ей добрый десяток ложек.

– Держи чай. Смотри, не обварись. Кипяток. – Кружка у них была одна на троих.

Соня укачала дочку, и, только потом, они сами плотно поужинали. Когда показалось дно, старшина вымакал остатки ломтем. Крякнул.

– Уф, хорошо. – Прислонившись к сосне, он закурил. – Надо бы за водой сходить. Тут, неподалеку, вроде как ручей шумел.

– Не уходите. Вдруг кто заявится...

На протяжении дня они несколько раз видели разрозненные группы красноармейцев, пробиравшихся через дебри на восток. Соня хотела пристать к первой же встреченной ими группе, но старшина не разрешил.

– Не стоит, сестрица. Ни к чему они нам. От немца они не защита. Сами улепетывают, как зайцы. Ты что, не видишь? Провианта у них нет, а если что и имеется, навряд ли с нами поделятся. Еще и наши крохи подметут. Вот и вопрос – на кой ляд они нам сдались? Помереть вместе?

– К своим пробиться вместе легче, – возразила Соня. Все-таки, она была комсомолкой, а праведный советский гражданин, – создание на редкость общественное. В коммунистическом понимании общественности, разумеется.

– Куда уж легче, – засомневался старшина. – У нас двоих, да еще с дитем, есть шанс проскользнуть, а у них, – он махнул в направлении скрывшихся среди кустов красноармейцев, – никаких нет. Для силы их мало, а вот для мишени в самый раз. Согласна?

– Нет, – сказала Соня. У нее не укладывалось в голове, как это можно скрываться от своих. Дикость какая-то. Но, за последние дни она привыкла доверяться чутью попутчика. Нет, так нет.

Старшина подбросил хвороста. Он специально подобрал палки посуше, чтобы поменьше чадили. Огонь завораживает взгляд, как и море. Какое-то время оба молчали. Старшина крутил в руках пилотку с эмалированной красноармейской звездой.

– О чем вы задумались, Харитон Петрович? – тихонько спросила Соня. Старшина отложил пилотку и сосредоточенно потер переносицу. Вздохнул.

Да вот, думаю, не пора ли треугольники¹⁰ спарывать?

¹⁰ Знаки различия младшего начсостава РККА

- Какие треугольники? – растерялась она.
- С петлиц...
- Зачем?! – Соня вытаращила глаза.
- Затем, – старшина показал на восток.
- Я не понимаю?
- А ты ушки-то открой. И сразу поймешь.

Соня прислушалась, как было велено. Сопение Нинки в полуметре. Противный писк комаров над головой. Что-то их сегодня многовато. Ну, конечно же, неподалеку родник. Шорохи лесные из чащи. То ли мышки, а может ежики. В лесах живности полно.

- Ну? – он невесело усмехнулся. Соня пожалала плечами:
- Ничего... звуки разные, лесные.
- А канонаду слышишь?
- Ах, это...

Низкие, рокочущие раскаты доносились с востока и были едва уловимы. Как будто гроза бушевала, только далеко, за линией горизонта.

– То-то и оно, – старшина потянулся за кисетом. Табаку там оставалось на донышке. – Верст за сто палат. Немец-то все дальше уходит. Вот такая петрушка.

– Наши скоро его остановят, – неуверенно начала Соня.

– Могли бы, давно б остановили. И на плечах противника, так сказать, перенесли боевые действия на вражескую территорию. Это я тебе Боевой Устав пересказываю. – Внезапно его охватил гнев. – Трепачи проклятые! Шапками закидаем! И от тайги до Британских морей, Красная Армия всех сильнее... Как же. В беге, видать! Так бежим, только пятки сверкают. Не угонишься, без мотоциклетки.

– Что вы такое говорите?! – в ужасе спросила Соня.

– Правду, – сказал артиллерист. – Ты не дрожи, тут ОГПУ нет. А было бы... – старшина погладил винтовку. Соня проглотила язык.

– Я вот что думаю, – в полголоса продолжал старшина, – кто-то там чего-то напутал. – Он ткнул пальцем в небо, видимо, подразумевая кремлевских небожителей. – Кто-то прошляпил, как всегда. – Он показал на восток, – это, понимаешь ли, разгром. А отдуваться знаешь, кто будет? Кого крайним назначат?

Соня потрясенно молчала.

– А нас с тобой и назначат. И таких, как мы. Людей простых, то есть. Понимаешь? Нам теперь кровью отхаркивать. До седьмого пота отдуваться. Не согласна?

Соня стала мрачнее тучи.

– Вот и вопрос, – добавил старшина угрюмо. – А не пора ли с обмундированием расставаться? Пока, понимаешь ли, не поздно. – Он снова взялся крутить в ладонях пилотку с ярко красной звездой.

Если бы с неба сошел Архангел Гавриил, это бы меньше потрясло Соню. Старшина, двое суток бескорыстно опекавший ее и девочку, в одночасье оказался чужаком. Врагом, умело маскировавшимся под личиной друга, чтобы ночью, в глухом лесу, продемонстрировать волчий оскал.

«То-то он к нашим пристать не хотел! – с опозданием дошло до Сони. – Как же я раньше не догадалась?! Он же враг! враг! враг!»

Штампы, заколачиваемые в голову с колыбели, и культивируемые впоследствии на протяжении всей жизни до гробовой доски, заблокировали мозг, как глисты желудок. Соня подумала о бегстве, но, куда денешься от костра, подле которого спит дочурка, в его же, врага, шинели. Вот если бы у Сони был пистолет. Но, пистолета, по счастью, не было.

– Что надулась? – осведомился старшина. – Небось, дезертиром меня считаешь? Так? Врагом народа и все такое? – свернув козью ножку, он глубоко затянулся.

– Беда в том, сестрица, что при таких пирогах моя красноармейская форма нам только во вред. Швабы сцапают, к стенке поставят. Местные поймают, и на березу. У тех вообще разговор короткий.

– Что вы такое говорите?! – не выдержала Соня. – Наши, советские люди?! Зря вы на них напраслину возводите!

– Как же, ваши. – Он прищурился через трескучий костер. – Да с чего ты, сестрица, взяла, что они ваши? А?

– Мы их от гнета белополяков освободили, – отчеканила Соня. Ей даже думать не потребовалось. Просто всплыл соответствующий слоган с агитплаката, – от эксплуатации избавили.

– Так им и расскажешь, когда петлю на шею наденут.

– Да за что в петлю?!

– За что, у голубых фуражек спроси. Это они тут с тридцать девятого лютовали. – Старшина швырнул окурок в пламя. Соня открыла рот, намереваясь обвинить попутчика в измене и вероломном предательстве, когда он неожиданно спросил:

– У тебя что, никого в семье не сажали?

Соня, на ходу, осеклась. Вспомнила отца. Хоть и бросившего ее с мамой, но тем не менее родного. Отец сгинул в лагерях, получив «Десять Лет Без Права Переписки». Народная молва эту зловещую «переписку» совершенно справедливо отождествляла с расстрелом. Соня правду об отце хранила в глубокой тайне. Они некогда с Шаровым договорились молчать о нем, как рыбы. «Не помню, не знаю, не видела. В детстве бросил, и полная амнезия, – поучал Соню герой Халхин-Гола. – Даст Бог, пронесет. А всплывет, не приведи Господи, тогда такую политику гни – слыхала, что враг, и давно отреклась. И вовсе он мне не отец».

– Никого? – немного удивился старшина. – Ну, а у меня, Сонюшка, всю родню вывели. Батю, мамку, дядьев с тетками, брата. – Старшина сжал кулак. Костяшки громко хрустнули. – Брата!

Соня не проронила ни звука. А что ей было сказать? Лицо старшины омертвело.

– А знаешь, за что?

Она покачала головой.

За то, что казаки. И все. Я, чтоб ты знала, с Кубани. Такие места у нас там... сказка, а не места. Реки быстрые, луга зеленые. Житница всей России. К жатве колосья тугие, к земле клонятся. А виноград? А молоко? А сметана? Ложку воткнул, и стоит. Чистое масло. – Старшина перевел дух. Поворошил угли палкой, свернул новую самокрутку. – Так вот все и было, пока Иосиф, вражина проклятая, коллективизацию свою не устроил. Понаехали в станицу ЧОНовцы,¹¹ и весь урожай изъяли. Кто вякал, с собой уволокли. Брательник с вилами на них кинулся. – Рука с «козьей ножкой» задрожала. – Говорят, в расход его пустили, в Ставрополе Там у них расстрельный подвальчик был. В здании краевого НКВД.

– А родители? – пролепетала Соня.

– На них даже пуль не тратили. Зерно забрали, скотину угнали – хуже татар, честное слово. Вот они с голоду и померли. Вся станица, считай, вымерла.

– А вы?

Старшина потупил глаза. Долго вглядывался в костер, будто рассчитывая в нем прочитать ответ.

– Батя меня из дому выгнал, – выдавил он, наконец. – Иди, говорит, Харитон, в армию. Только так спасешься. Вот я и пошел. Вот и служу антихристам окаянным, что всю мою семью переморили. Вот и живу, с этим. – Старшина отвернулся. Они долго молчали, а потом Соня отважилась на вопрос.

¹¹ ЧОН ГПУ – части особого назначения, то есть каратели

– Если вам Советская власть столько зла натворила, почему же вы со мной возитесь? Не выдали врагам? Не бросили там, на переправе?!

Старшина поглядел на нее с неподдельным изумлением.

– Ты чего городишь? Ты-то тут причем? Ты что, Советская власть?

– Я жена красного командира.

– Что с того?

Повисла неловкая тишина.

– И надо же такое ляпнуть, от бабы с дитем малым отвернуться. Мне до твоего супруга-командира никакого дела нету. Ты это запомни.

Соня улеглась к Нинке. Потрогала лоб.

– Как она? – спросил старшина.

– Есть температура.

– Надо бы цивильное раздобыть. Доктора Нинке сыскать. Да от этого добра избавиться, – он погладил винтовку. – Конечно, если на наших нарвемся, могут и шлепнуть, как дезертира, – продолжал старшина, то ли советуясь с Соней, а скорее размышляя вслух, – только сдается мне, нам пока больше немцев следует опасаться. Красным покамест не до трибуналов, поди. Нынче у красных весь упор на ноги.

* * *

Весь следующий день они с тупым упорством шагали на восток. По широкой дуге обогнули Острог и вброд пересекли Горынь. Городишко оказался набит немецкими войсками до состояния «яблоку негде упасть». Старшина долго молчал, разглядывая с опушки скопление людей и техники.

– Эка они забегали, – сказал он, наконец. – Что-то у них стряслось, видать.

– Что? Что у них стряслось, как вы думаете? – Соня прижимала Нинку к груди. Ребенок громко кашлял.

– Кто их разберет, – покачал головой старшина. – Только ты приглядишься во-он к тем, с собаками. Сдается мне, не вояки они. Каратели, скорее. Эсэсовцы.

– Кто?! – побелела Соня, представив двухлетней давности плакат, изображавший фашистского солдата в виде настоящего исчадия ада. Черный угловатый силуэт в каске со свастикой ошетинился заляпанным кровью штык-ножом. Потом, правда, партия, очевидно, взяла контргалс, избыточные фашистов плакаты исчезли со стен Ленинских уголков, и даже из «хита сезона», жизнерадостной песенки Френкеля «Если завтра война», как корова языком слизала куплет, упоминающий гадину фашиста.

– СС?! – встревожилась Соня.

– Точно. – Старшина протянул бинокль, снятый накануне с мертвого пехотного майора. На тело майора они набрели в сумерках. Оба и бровью не повели. Трупов на пути попадалось множество, и они привыкли к ним, насколько это возможно. Старшина деловито обыскал мертвеца, но ничего ценного не обнаружил. Единственным стоящим трофеем оказался добротный полевой бинокль. – На, погляди.

– Нет. Не хочу.

– Как бы на облаву не нарваться... – Старшина почесал затылок. Каратели сновали туда-сюда, овчарки лаяли, норовя сорваться с поводков. – Давай-ка ноги уносить. Пока не поздно.

Опасения старшины подтвердились угрожающе быстро. Вскоре беглецы неслись по лесу, подгоняемые нарастающим собачьим лаем и гортанными окликаками загонщиков. Соня задыхалась. Нинка ехала на могучем загривке старшины, который на бегу пригибался, чтобы не смахнуть ребенка веткой.

– Что они к нам прицепились?! – Соня была на грани истерики.

– Не к нам, сестрица! Кто-то их раззадорил, а мы за компанию вляпались.

Лай преследовал по пятам, отдаваясь эхом со всех сторон. Вскоре дорогу преградила поросшая ряской речушка. Скорее, даже, широкий ручей в обрамлении по тропически густых зарослей. Старшина, не колеблясь, шагнул в воду, сразу провалившись по пояс.

– Ух, студеная! – он попер против течения, похожий на небольшой буксир. Соня болталась в кильватере. Вода ей доставала до груди. Вскоре она окончательно выбилась из сил.

– Брось меня! – взмолилась Соня.

– Еще чего удумала, дура! – фыркнул, как кит, старшина. Едва они не чувствуя ни рук, ни ног, выползли на берег среди кустов, *«поймают, так и будет»*, думала Соня, теперь ей стало наплевать, как совсем рядом разорвалась граната. Звук был глухим и мощным, почва под беглецами дрогнула. В воздухе просвистели осколки. Жалобно завизжала овчарка, немецкие голоса затараторили наперебой. Все это длилось считанные мгновения. Вслед за взрывом в лесу загрели выстрелы.

* * *

Диверсионная группа НКВД, возглавляемая лысым, как колено капитаном ГБ, выполнила поставленную задачу точно и в срок. Немцы сами облегчили спецназу работу, не обеспечив тылы надежным прикрытием. Сказались и неразбериха первой недели войны, и опасно растянувшиеся коммуникации. Штабы не поспевали за рвущимися на восток частями, тылы очутились черт знает где. Это создавало немало проблем со снабжением действующих частей. Здорово выручали запасы, брошенные Красной Армией у границы.

Спецгруппа была сколочена буквально накануне и насчитывала восемнадцать человек, вооруженных гранатами и новейшими пистолетами-пулеметами Дегтярева. Кроме этого достаточно грозного стрелкового оружия группа получила пять ручных пулеметов и три противотанковых ружья. А еще в состав группы вошли два подрывника, так что каждый боец тащил на себе взрывчатку. Поскольку пополнять боезапасы предполагалось в бою (действовать-то предстояло в немецком тылу), бойцы были перегружены оружием, и на провианте пришлось экономить. Впрочем, какой смысл набивать желудки, если идешь на верную смерть. Спецгруппа легко пересекла линию фронта (тем более, что никакой четкой линии не было) и решительно взялась за дело. За неполные сутки спецназовцы подорвали два железнодорожных моста, перебили отряд германских фуражиров, и без единого выстрела вырезали три десятка немцев, расположившихся на ночь в селе. На рассвете 24-го диверсантов поджидала настоящая удача. Под кинжальный огонь пулеметчиков угодила штабная немецкая колонна. Спецназовцы закидали головной и замыкающий бронетранспортеры гранатами, а мечущихся между горящими машинами штабных офицеров перебили, как куропаток. Раненый в ногу немецкий полковник сдался в плен вместе с парой уцелевших солдат. Рядовых прикончили на месте, полковника увели с собой.

– Потом потолкуем по душам, – пообещал капитан ГБ седому сухопарому полковнику с двумя рыцарскими крестами на мундире. – Что за чертовая жара, – добавил он, снимая фуражку, чтобы промокнуть лысый, словно колено, череп. – Лейтенант?!

На зов командира явился лейтенант ГБ со смуглым кавказским лицом.

– Машины обыскать и сжечь. В темпе, давай, Швили. – Фамилия лейтенанта была Палавандишвили, но капитан, чтобы не ломать языка, обходился окончанием. Лейтенант пробовал качать права, но капитан его живо обломал: – Ты мне, Швили, не кочевряжься. Если есть мнения, то одно мое, а остальные неправильные.

Оставив машины пылать на просеке, спецназовцы углубились в лес. Пленник шагал в середине группы, бесцеремонно подгоняемый, когда руками, а когда и прикладом.

Едва до немецкого командования дошло, что в тылу действует диверсионная группа, оно приняло адекватные меры, бросив против спецназовцев полнокровный пехотный полк. Леса прочесывались квадрат за квадратом. К полудню прибыла зондер-команда СС, и вскоре спецгруппа была зажата с фронта, тыла и флангов. Трезво оценив создавшееся положение, командир решил принять бой. Но, сначала он созвал военный совет, состоявший из лейтенанта грузина и армейского старлей со значком парашютиста на груди. У разведчиков каждый имеет право высказаться. Это неизбывное правило соблюдается с чисто военным педантизмом.

– Надо с боем к своим пробиваться, – предложил старлей-парашютист. – Ударим внезапно всеми средствами.

– Я бы предложил разделиться на мелкие группы и действовать по обстановке, – убеждал Палавандишвили. – Всем отрядом не прарвемса. Никаких шансов нэт.

«И так, и сяк, труба, – думал капитан, слушая доводы подчиненных. – Ни единого шансика. Если уж в кольцо взяли, – амба! А они взяли. Умеют, сволочи, воевать по уму».

– Если хорошо ударим, – стоял на своем десантник, – то наши с той стороны, – он указал на восток, – выступят навстречу. Тогда...

«Эх, десантура, – размышлял капитан, упершись взглядом в скрепленные серебряные парашюты, – Мечтал, видать, на Мюнхен с парашютом сигать, а довелось по родной земле на животе ползать. Эка все обернулось... и плен нашему брату не светит. И думать нечего. Или немцы, или наши, а поставят к стенке, как пить дать...»

– Принимаем бой, – решил капитан, выслушав мнения командиров отделений. – Покажем гадам, где раки зимуют.

Лицо Швили вытянулось, десантник только крепче сжал цивье пистолета-пулемета.

– Занять круговую оборону, – распорядился лысый ГэБист. – Покажем фрицам Кузькину мать.

Спецгруппа оказала отчаянное сопротивление карателям. Вопрос выжить не стоял. Ни прорваться, ни победить бойцы разведгруппы не рассчитывали, фантазеров среди них не было. Плен означал скорую расправу, а потому оставалось умереть, прихватив на тот свет максимальное количество врагов. Неравная битва длилась около получаса. Благодаря фактору внезапности спецназовцы получили некоторое превосходство. Немцы, опомнившись, подтянули резервы, прижав диверсантов к маленькой лесной речушке. Сражение вышло коротким, яростным и кровопролитным. Никто не просил пощады, и никто ее не давал.

Когда потекли последние минуты, дважды раненый капитан ГБ лично застрелил пленного немецкого штабиста. Гранаты к тому времени вышли. А когда был выпущен последний патрон, старлей-десантник повел спецназовцев в рукопашную. Очередь из автомата угодила в плечо капитану ГБ, он выронил «Маузер» и полетел вниз головой в реку. Старлей и еще трое бойцов схлестнулись с эсэсовцами. Через минуту все было кончено.

* * *

Пока диверсанты сражались и умирали, старшина и Соня, не смея даже вздохнуть, лежали среди прибрежных ив. Ничего другого им не оставалось. Немецкие голоса то накатывали, то отдалялись. Гитлеровцы тщательно прочесывали лес. Только к четырем пополудни фашисты убралась восвояси, и беглецы выбрались из убежища. Мокрые, замерзшие, с отеками руками и ногами.

– Фух, пронесло, – старшина, в который раз прислушался. – Обсушиться бы. Уж больно мне малютка не нравится. Доктора ей надо.

К вечеру они набрали на довольно крупное село. Долго лежали у околицы, старшина не отрывался от бинокля.

– Кажись, тихо. – В конце концов решил он. – Ладно. Давай, так. Я пойду на разведку, а ты подожди тут. Может, обмундирование на провиант сменяю, еды принесу. А даст Бог, так и фельдшера какого найду. – Он поднялся во весь свой немалый рост. Оперся на винтовку, казавшуюся в сравнении с ним обрезом.

– Эх, – вздохнул старшина, – ноги в кровь стер. Ну, да не беда. Заживут. Пошел я, Соня. – С этими словами он побрел к селу, прихрамывая на левую ногу, и, как на костыль, опираясь на ружье. Соня осталась ждать, привалясь спиной к старой осине. Нинку она держала на коленях. Вечер выдался погожим, теплым, а картина раскинувшегося в долине села была до того мирной, что не верилось, будто совсем неподалеку свирепствует война, свистят пули, и льется кровь. За опушкой простирался луг, на котором спокойно паслись коровы. Дальше виднелись огороды, очерченные линией садов. Соломенные крыши прятались среди фруктовых деревьев. Украина – страна садов. Над крышами висело красноватое на закате солнце, отражавшееся в глади широкого озера, отчего село немного напоминало косу, протянувшуюся сквозь океан.

– Окунуться бы. – Тело было липким, под ногти забились грязь. Волосы сбились уродливыми космами. Два дня кросса никому не проходят даром. *«И разит от меня, наверное, как от козы»*. Проследив, как сделавшаяся совсем крохотной фигурка старшины исчезла за живыми изгородями, Соня сбросила верхнюю одежду, развесив сушиться на соседних ветках. А потом вернулась к Нинке, следовало заняться ребенком.

Тени становились все длиннее, в воздухе зазвенела мошкара. Комары заявились на ужин. Одежда просохла. Старшина не объявлялся. Ожидание утомило Соню еще хуже физической работы. Усталость последних дней взяла свое. Нинка, на коленях, затихла. *«Вроде бы температура спала»*, – успела подумать Соня, прежде чем отключиться.

Ее разбудили отчаянные крики со стороны села. Сознание возвращалось по кускам. Мысли путались. Уши работали, а глаза еще нет. На коже выступила испарина. Проснувшись примерно наполовину, Соня обнаружила, что по-прежнему сидит под осиной. Тело казалось чужим, мышцы одеревенели и затекли.

– Господи, где я? – это было первым, что пришло в голову. Потом она посмотрела в долину. Село по-прежнему напоминало косу, только цвет океана из синего стал фиолетовым. Но, теперь не казалось мирным. Группа одетых в штатское мужчин волокла вдоль неровных штaketников человека в зеленой армейской униформе. Руки служивого были вывернуты кверху и крепко связаны. Соня, в ужасе, узнала старшину. Приглядевшись к мужикам, она у нескольких увидела обрезы. Кто они были, просто крестьяне, или какой-то, наспех сколоченный отряд самообороны, оставалось разве что гадать. Да это и не имело значения. Старшина угодил в беду, вот что было главным.

Он отчаянно упирался, а мужики не скупались на тумачи, пиная его, по чем попало. И он, и они кричали, но слова долетали на опушку обрывками. Комары и те жужжали громче. На околице старшине удалось вырваться. Все таки, он был силен, как бык. Оттолкнув ближайшего конвоира, боднув второго, и сбив по дороге еще двоих, старшина понесся к лесу. Матерясь на все лады, мужики припустили за беглецом. Глядя на старшину, Соня снова почувствовала себя участницей кошмара наяву. Бежать с заведенными за спину руками ему было чрезвычайно тяжело. Старшина ежесекундно рисковал потерять равновесие и грохнуться на землю. Но, этого не случилось. Более того, он далеко опередил преследователей. Покрыв половину расстояния, отделявшего его от опушки, где, словно истукан, торчала Соня, старшина неожиданно замедлил бег. Покачнулся из стороны в сторону, как бы в нерешительности, и, внезапно изменив направление, круто забрал в другую сторону. Преследователи встретили маневр новой серией воплей.

– Быстрее, ну же, быстрее! Давай, милый! – беззвучно шептала Соня. А потом бичом хлестнул выстрел. Старшину будто толкнули между лопаток. Он сделал с полдесятка судорожных скачков и растянулся ничком на пашне. Почти сразу вскочил, и зашагал, раскачиваясь, как

пьяный. Снова ударил выстрел. Старшина упал. Он еще полз какое-то время, почему-то теперь к селу, похожий издали на раздавленного подошвой муравья, когда преследователи обступили его. Обрез выстрелил в третий раз.

Когда со старшины стягивали сапоги, Соня отвернулась, попятившись в заросли. До нее не сразу дошло, что она торчит во весь рост на опушке, и стоит мужикам с обрезам обернуться, как ее песенка будет спета. К счастью для Сони, они были заняты сапогами. Соня повадилась на землю. Подхватила Нинку и, обдирая колени, поползла в чашу леса.

* * *

Она шла до полуночи, не выбирая дороги и, очевидно, давно заблудившись. Человеку свойственно бродить по кругу, принимая во внимание тот факт, что одна нога на самую малость короче другой. Когда последние силы растаяли, Соня улеглась в мох. Котелок, спички и остатки продуктов остались на злополучной опушке. Фляжку она обронила в лесу. С гибелью старшины она утратила не только надежду выбраться к своим, но и вообще, последнюю надежду. Вокруг не было ни души.

Под утро ее разбудили холод и гул ожесточенной канонады. Пальба доносилась с востока. Ухало довольно громко, но лес скрадывал звуки, как качественная промокашка влагу.

Соня поднялась с превеликим трудом, двигаясь, как сомнамбула. Подняла Нинку и, не глядя ни по сторонам, пошла неведомо куда, лишь бы не сидеть на месте.

После обеда деревья расступились, открыв обширную пустошь. Тусклое закатное солнце еле пробивалось сквозь подымавшиеся от земли жирные, насыщенные копотью шлейфы. По перепаханному гусеницами и воронками полю ползали стальные коробки, выкрашенные в хаки двух разных оттенков. Время от времени они изрыгали пламя, укутываясь пороховым угаром. Коробок было необычайно много. Некоторые из них горели, некоторые валялись кверху траками. Ничего подобного Соне никогда не доводилось видеть. Ничего подобного никогда ранее не случалось. Грандиозное встречное танковое сражение в окрестностях Ровно,¹² свидетелем которого невольно стала несчастная Соня, до сих пор не имеет аналогов в истории.

* * *

Ранним утром она услышала вдалеке шум, издаваемый марширующими войсками. Он напоминал рокот прибоя. И все же это были люди. Соня устремилась к ним. Она шла довольно долго, пока не очутилась на дороге.

По разбитому тракту сплошным потоком шли немецкие войска. Пехота, бесконечными, серыми колоннами, держалась правее. Танки и автомобили двигались слева. Пыль стояла столбом. Наверное, нечто подобное наблюдали наши пращурь, свидетели вторжения монголов.

Соня поплелась вдоль обочины, оглушенная топотом тысяч сапог. Никто не обращал на нее внимания, и постепенно ее охватило удивительное ощущение, будто все творящееся наяву, на самом деле происходит за гранью реальности. Обочина представилась ей бесконечным морским берегом, а войска разгулявшимся под вечер прибоем. На море Соне побывать не довелось, но она видела его в кино.

– У фрау неприятности? Могу ли я предложить помощь? – Соня вздрогнула, когда чья-то твердая рука придержала ее за локоть. Говорили по-русски, но, с сильнейшим акцентом. Обернувшись, она увидела немецкого офицера в светло-серой полевой форме. «*Вот и все*», –

¹² Имеется в виду сражение на направлении Луцк-Броды-Ровно, в котором приняли участие тысячи танков

подумала Соня. Ярко голубые глаза из-под кепи смотрели дружелюбно и свидетельствовали об обратном:

– Фрау нуждается в помощи?

Трое попутчиков офицера дожидались в открытой армейской машине, выкрашенной причудливой маскировкой. *«Будь, что будет»*, – решила Соня, протягивая Нинку офицеру:

– Моя дочка. Нина. Она умирает. *«Что ты творишь?! Сейчас он разобьет ей голову о пятнистый борт своей машины. Это же фашист!»*

Офицер сдернул с руки перчатку. Коснулся потного лобика Нины. Его лицо выразило понимание.

– Mein Got...

– Она горит. – Соня покачнулась от усталости и волнения.

– Попрошу фрау со мной. Нужен доктор. Госпиталь. Schnell. – Офицер взял Соню под локоть, и помог взобраться на подножку.

* * *

К концу июня группа армии «Центр» отсекла одиннадцать дивизий Западного фронта на Белостокском выступе. Командование фронта поплатилось за разгром головами, но положения это не выправило. В августе разгорелись небывало кровопролитные бои под Ельней. Потери Красной армии оказались чудовищны и напрасны. Враг, вместо Москвы, ударил на Киев. В боях под Ельней, кстати сказать, сложил голову отец Сергея Украинского.

На юге события складывались не менее драматично. В районе Луцка произошло невиданное танковое сражение. Советские танки вводились в бой прямо с марша, обеспечение снарядами и топливом оставляло желать лучшего. В результате более трех тысяч советских танков остались гореть на полях Волыни, а немецкие танковые клинья вышли к Кировограду и Умани. Вскоре все правобережье от Черкасс до Херсона оказалось в руках гитлеровцев. Одиннадцатого немцы подошли к Киеву со стороны Бучи и Гостомеля, но наткнулись на отчаянное сопротивление советских войск, засевших в Киевском УРе.¹³

Дзоты на краю соснового леса над широкой долиной Ирпеня – немые свидетели тех боев. Стоит выехать в те места, и немного побродить среди сосен, как вы обязательно на них наткнетесь. Исковерканные прутья арматуры тронуты ржавчиной, но бетон так же крепок, как в сорок первом. А вот окопы давно обвалились, и похожи на старые шрамы, затянувшиеся, но не исчезнувшие совсем. Они тоже там.

Киевский гарнизон, курсанты и ополченцы встали насмерть на рубежах города. Жестокие бои шли в Голосеевском лесу, Жулянах, и урочище Пирогово. Когда стало очевидным, что штурм проваливается, наступающие на Москву части были срочно переброшены под Киев. Пять советских армий очутились в котле.

В ноябре германская первая танковая армия захватила Сталино, а затем и Ростов. На севере группа армий «Центр» на расстояние выстрела подошла к Москве. Завязались упорные бои за столицу Советского Союза.

* * *

Ничего этого Соня не знала, очутившись в Смеле, где немцы разместили один из многочисленных полевых госпиталей. Голубоглазый Зигфрид, оказавшийся начальником штаба германского танкового батальона, договорился с главным врачом, и Нинку определили в палату.

¹³ Укрепленный район

Добиться этого было не просто – под Киевом разгорелись бои, и раненные поступали непрерывным потоком. На третий день пребывания в госпитале танковый полк Зигфрида выступил на юг.

– Перебрасывают в Крым, – улыбнулся Зигфрид, заскочивший на минуту попрощаться. – Ливадия, Коктебель, Ласточкино гнездо.

Соня не знала, что сказать. Вражеские сапоги топтали родную землю, и Зигфрид был в тех же сапогах. С другой стороны, не повстречай она его, Нинки уже не было бы на свете.

Пожелав Соне удачи и потрепав малышку по щеке, Зигфрид покинул палату и навсегда ушел из жизни Сони и Нины Шаровых, как до того из нее ушел старшина. Один был простым русским солдатом, нахлебавшимся от родной власти, второй германским офицером с важной приставкой «фон» в фамилии. Соня запомнила обоих.

С первого дня пребывания русской девочки в госпитале медперсонал нещадно гнал оттуда Соню. Женщину выпихивали во двор, на нее сыпалась нецензурная брань, но она упорно возвращалась. Деваться ей было некуда, да и оставить дочку она не могла. Промаявшись день, где попало, Соня на ночь пробиралась в палату. В начале июля она взялась стирать солдатское тряпье, драить полы коридоров и палат. В конце концов, главврач, почесав седой затылок, махнул рукой.

В сентябре госпиталь перебрался в Киев. Нинка к тому времени выздоровела. Врачи и медсестры привыкли к Соне. Ей даже выделили каморку при госпитале, большего Соне не требовалось. Не все же рождены подпольщиками.

Киев встретил гитлеровцев напряженно. Без хлеба-соли, но и без гранат. Власть переменилась даже как-то буднично.

В декабре Соня, освоив немецкий, приступила к обязанностям медсестры. Клятва Гиппократова не предусматривает разделения пациентов на красных или красно-коричневых. О прочем она старалась не думать.

* * *

К январю сорок второго линия фронта протянулась с севера на восток, через европейскую часть СССР. От заблокированного Ленинграда до устья Дона, впадающего в Азовское море. В середине рождественской недели года советские войска перешли в наступление по всему колоссальному фронту. Под Вязьмой завязались кровопролитные бои.

Григорий Шаров дрался в небе над Харьковом. Вместо ЛАГГА он получил более мощный и живучий «Ла-5».¹⁴ Эскадрилья Шарова билась с исключительным мужеством, но битву за Харьков Красная армия проиграла.

Весной началось хорошо подготовленное немецкое контрнаступление. В Крыму разразилась катастрофа, закончившаяся падением Севастополя. Юго-Западный фронт рухнул. Немцы прорвались на Кавказ. Часть местного населения осталась верна Советской власти, часть встретила немцев, как избавителей от коммунистического гнета. В конце лета завязались бои в предгорьях Большого Кавказского хребта. А, чуть позже за Сталинград. Там сразу сложилась критическая обстановка. 28 июля был подписан печально известный приказ № 227 «Ни шагу назад», узаконивший штрафные батальоны, заградотряды НКВД и массовые расстрелы на месте.

В последних числах ноября советские войска окружили под Сталинградом шестую армию генерал-полковника Паулюса. Гитлер неистовствовал. Рейхсмаршал Геринг клялся обеспечить снабжение группировки с воздуха. В небе развернулись яростные воздушные бои.

Истребители Героя Советского Союза подполковника Шарова сражались насмерть, чтобы не допустить авиатранспорты к городу. В канун Нового 43-го года Шаров был сбит над

¹⁴ основной советский истребитель

Калачом на Дону, покинул пылающую машину, и вскоре вернулся в строй. Первого февраля группа из двадцати советских «Ла-5» столкнулась с «Мессершмидтами». Снаряды германской авиационной пушки навывлет прошили фюзеляж «Лавочкина», ранив Шарова под лопатку. Подполковник вышел из боя, дотянул до линии фронта и чудом посадил самолет.

В госпитале у него появилось время. Даже больше, чем ему бы хотелось. Как это часто случается после ранения, волной нахлынули воспоминания. Словно боль после выхода из наркоза. Не то, чтобы он раньше не думал о семье. Но, в горячке боев переносить гнетущую неизвестность было легче. Он каждый миг рисковал жизнью, терял друзей и убивал врагов. Это служило своеобразным противоядием. Теперь Шаров наверстал упущенное. За неимением ответов вопросы грызли его поедом, он чувствовал, что сходит с ума.

Едва начав ходить, он попытался разыскать семью. Что либо узнать было практически невозможно. Полтора года войны перекроили до неузнаваемости границы, оторвав миллионы от родных очагов. На фоне всеобщего горя личное казалось каплей в море, но, именно эта капля жалила в самое сердце.

Вернувшись в полк в конце весны, Шаров продолжил безуспешные поиски. Тем временем, близилась Курская битва. Авиаполк прибыл под Харьков, от которого до Киева меньше часа лету.

Впрочем, Соне Шаровой, пожалуй, не следовало радоваться этому обстоятельству. Ее судьба ныне была неразрывно связана с оккупантами. Соня, бывало, долго не могла уснуть, прислушиваясь к сонному бормотанию Нинки, и раздумывая о том, каково оно, ее будущее? Истинное обличье арийцев открылось Соне еще в сорок первом. Народная поговорка гласит, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Впрочем, порой случается и так, что чем меньше видишь, тем лучше спишь. Но, Соня своими ушами слышала многоголосый вой, несшийся из глубоких балок Бабьего Яра над верхушками Кирилловского сада. Госпиталь располагался на Лукьяновке, а квартира неподалеку, в двух шагах. Леденящие кровь крики и пальба с тех пор карябались в окна каждую ночь, как бы Соня их не закупоривала, вопреки ставням и пробкам в ушах. Люди давно погибли, а их стоны звучали в голове, словно проклятый яр жил там кошмарной, совершенно не зависимой от нее жизнью. Впрочем, пулеметные очереди не стихали. Военнопленные отфильтровывались в Сырецком концлагере и ликвидировались без сантиментов в яру. Благо, он чрезвычайно вместителен. Никаких конвенций касательно пленных ни гитлеровцы, ни сталинисты не признавали, и жизнь человека на оккупированных территориях не стоила ломаного гроша.

«Я предала Родину ради нее, – твердила Соня, отбрасывая шелковистый локон со лба спящего ребенка. – Если бы не немцы, моя Ниночка умерла». Впрочем, Соня не тешила себя иллюзиями насчет способности коммунистов входить в чье-либо положение, а уж тем более разводиться юни. Штамп «предатель Родины» был фактически гарантирован, а это значило, что мосты сожжены, и теперь ее путь с Вермахтом. Победа германского оружия означала жизнь, поражение неминуемую расплату.

* * *

На рассвете пятого июля началось грандиозное сражение на Курской дуге. Немцы впервые массово применили тяжелые танки «Тигр» и «Пантера». Битва сразу приняла необычайно ожесточенный характер. Когда германское наступление выдохлось, навстречу гитлеровскому бронированному кулаку двинулись две танковые армии Резервного фронта. Чудовищное столкновение произошло около деревни Прохоровка, сделав ее известной на весь мир. В воздухе тоже было жарко. Новейшие истребители «Фокке-Вульф-190» сражались с советскими «Яками» и «Лавочкиными». Около четырех тысяч германских самолетов остались гореть на земле. Потери советской авиации были не менее впечатляющи.

К осени фашисты отошли за Днепр. Четвертого ноября войска Первого Украинского фронта, форсировав Днепр у Лютежа, вышли к протянутой через лес трамвайной линии Киев-Пуца-Водица.

Пятого ноября с утра небо затянула сплошная облачность, похожая на ковер во время очистки снегом. Тучи висели так низко, что, казалось, задевали крыши. Влажность была как в тропиках, только без присущего экватору тепла. Ветер пробирал до костей. Разбитые танками и самоходками дороги превратились в непролазное месиво.

– В такую погоду все плохо, – бурчал Шаров, карабкаясь в кабину «Лавочкина». Борт истребителя украшали тридцать две красные звездочки, по количеству сбитых самолетов. Когда подполковник захлопывал колпак фонаря, медали на груди мелодично зазвенели. Шаров взял за правило летать на задания с наградами, а их за два года накопилось порядочно, отчего мундир напоминал иконостас.

Над Лютежем к истребителям присоединились штурмовики. Самолеты легли на боевой курс. Пронеслись над Святошино. Внизу показался прямой, будто весло, Брест-Литовский тракт, ведущий в самое сердце Киева, как гигантская транспортная аорта.

Через минуту Шаров разглядел сигнальные ракеты, которыми танкисты полковника Шутова обозначили передний край. «Илы» с ревом устремились в атаку, сбрасывая реактивные фугасы на парк политехнического института, где засели гитлеровцы. Истребители держались выше, готовые отразить нападение с воздуха. «Мессершмидты» не заставили долго ждать.

* * *

Пока части Вермахта ценой невероятных усилий сдерживали рвущиеся к центру танки, тылы эвакуировались в неразберихе.

Соня Шарова, старшая медсестра хирургического отделения городской больницы, ранее трудившаяся в немецком госпитале, не находила себе места. В который раз выглянув из окна, Соня обнаружила забитый грузовиками двор. Солдаты без передышки грузили ящики. Накрапывал дождь. Воздух вибрировал от непрерывной канонады. Бой, разгоревшийся накануне на окраинах, неумолимо перемещался к центру. Минувшей ночью ухало так, что проснувшаяся Нинка разрыдалась. Соня только вернулась с дежурства, и успокаивала дочурку, как могла. Потом, под аккомпанемент ураганной артподготовки взвыли тысячи сирен. Это было так страшно, что у Сони подкосились ноги, и она позабыла даже о Нинке. Советские танки наступали при включенных прожекторах – вариант «психической» атаки в эру бензина и пороха.

По слухам, к утру красные заняли хутор Нивки и Куреневку.

– Конец гансам, – сказал сосед по подъезду, пристально глядя на Соню. Видимо, его интересовала ее реакция. В ответ она нацепила самую непроницаемую маску, какую только могла. Выбор был: эвакуироваться с немцами или оставаться в городе, уповая на то, что повезет. Город большой, в нем недолго затеряться. Тем более, что работала она не в Гестапо.

В последние дни Соня много думала о Шарове. Она каким-то образом знала, что муж жив, вопреки двум годам войны. Никаких фактов, естественно, не было, но это не сказывалось на уверенности.

Раненые с позиций поступали сплошным потоком. Соня валилась с ног. Ближе к обеду настал конец. Выстрелы трещали под окнами. Поток раненых иссяк. Видимо, их некому стало носить с передовой, а может, и сама передовая исчезла.

Охрана госпиталя разбежалась. Во дворе, уткнувшись в забор, стоял тупорылый немецкий грузовик. Штурмовики со звездами на плоскостях, утюжили западный скат бульвара Шевченко. Немецкие войска, отстреливаясь, отступали по Красноармейской на юг, к Корчеватому.

Отбросив сомнения, Соня бегом пересекла бульвар. С запада, фыркая дизелями, поднималась колонна «Тридцать четверок». Втянув голову в плечи и держась стен, она побежала домой, на Лукьяновку.

* * *

Ранним утром шестого ноября генерал армии Ватутин доложил в ставку ВГК об освобождении Матери городов русских. Москва отвечала артиллерийским салютом.

Через неделю Соня Шарова была арестована офицерами контрразведки СМЕРШ, и вскоре очутилась в прокуренном кабинете. Лысый, как колено, главный майор ГБ, отдуваясь, приступил к допросу. Хотя было прохладно, майор потел, время от времени промокая влагу выдавшим виды носовым платком. Лицо следователя казалось знакомым на том уровне памяти, который принято связывать с наваждениями. Обстоятельства мешали собраться с мыслями. Плешивая голова вводила воспоминания по ложному следу, в довоенный Ленинград. Соня с мужем сидела в кинотеатре, тысячу и один раз пересматривая советский бестселлер, от которого Шаров был без ума. Соне больше нравились пирожные в фойе, пропитанные лимонным сиропом. Но, так или иначе, теперь чертов «Григорий Котовский» сбивал с толку, и не давал сосредоточиться.

Пока Соня грезила, главный майор, пошелестев страницами из скоросшивателя, строго поинтересовался, как она докатилась до дна. Соня, встрепенувшись, взялась за историю двухлетней давности о том, как их городок разбомбили в ночь на двадцать второе, как она бежала через леса среди всеобщего бегства, и как ее малютка заболела.

– Значит, пошли на службу осознанно и добровольно, – констатировал главный майор. – Так и запишем... – и одарил Соню ничего не выражающим взглядом. Соня разрыдалась. На майора слезы не подействовали. Он давно приобрел иммунитет. – Плакать раньше надо было. До того, как в фашистские подстилки записалась.

Соня пробовала возразить, и даже доказать, что не ее перевязки и инъекции привели гитлеровцев на Волгу. Это было ошибкой, впрочем, ничего не меняющей.

– Грамотная? – полюбопытствовал майор. – Учтем. – Он неожиданно вскочил: – Ты, б-дь, фашистов выхаживала, чтобы они потом наших стреляли! А теперь еще и буром прешь! Ну, будет тебе, б-дь, бур!

– Я, товарищ следователь, – оправдывалась Соня, – в госпитале у доктора Мельниченко работала...

– У кого? – прищурился майор. Соня, спеша и оттого сбиваясь, выложила бывшую святой правдой историю.

Осенью сорок второго началась массовая депортация населения на принудительные работы в Германию. Гитлер планировал вывезти около полумиллиона одних молодых женщин. Девушками, понятно, затея не ограничивалась. Дела, правда, продвигались туго, население игнорировало повестки, уклонистов ловили и силком впихивали в вагоны. Немцы прозвали операцию «Охотой за черепами». Путь ост-арбайтерам предстоял неблизкий и очень опасный. Его выносили не все. Выживших ожидала каторга за миску баланды.

Пока Соня рассказывала, как она, будучи медсестрой у доктора Мельниченко, строчила справки о трудовой непригодности, о всевозможных липовых инвалидностях и выдуманных травмах, с тем, чтобы уберечь молодежь от фашистской неволи, майор тер нос, промокал лысину, и, в свою очередь силился вспомнить, где же подследственную видел. О том, что они когда-то встречались, говорили его опыт и наметанный глаз. У хорошего опера фотографическая память на лица, а главный майор полагал себя опером весьма и весьма незаурядным. Но сколько он не тужился, все было напрасно. Столько лиц промелькнуло перед глазами, никакой памяти не хватит. Начав войну под Раввой-Русской, на границе, он вместе с армией проделал

чудовищно тяжелый путь. Сначала сдавал города, один за другим, пяясь на восток, потом медленно полз вспять, на запад.

– И я во всем этом доктору помогала, – донеслось до него через стол. Майор приподнял бровь. Подследственная утерла слезу.

– Доктора Мельниченко фашисты повесили. – Отчего не повесили вас?

– Он... он... – Соня закрыла лицо руками. Майор, продув мундштук, закурил папиросу, подумав о семье, около полугода, как обнаружившейся в Челябинске. Жена и сынишка эвакуировались вместе с семьями других сотрудников НКВД. В пути эшелон бомбили, пассажиры прыгали с насыпи и прятались по кустам. В Восточной Сибири жене майора довелось хлебнуть лиха. Жить пришлось в скудно отапливаемом бараке, вкалывая на Челябинском танковом в три смены. Выходные, возвращенные было народу в канун войны, с ее началом отменили. Оборудование стояло буквально в чистом поле. Сначала смонтировали технологические линии, а уж потом занялись стенами и крышей.

Продовольственная карточка не так утоляла голод, как позволяла держаться на плаву, со скрипом сводя концы с концами. Жена майора записалась в доноры, а паек отдавала малолетнему Борьке. Пока не упала в обморок у станка. Зимой она заработала пневмонию и, только чудом выкарабкалась.

Навестить семью майор не смог, а вот аттестат перевел, в данной ситуации оказавшийся тем самым кругом из пробки, которого при кораблекрушении хватает не всем. С аттестатом жизнь приобрела несколько иной оттенок. А когда он выхлопотал жене с сынишкой жилье, стало вообще терпимо.

Но, как не хлебнула жена майора, испытания оккупацией ей проходить не пришлось. В отличие от Сони. Потому одна его и выдержала, а вторая нет.

* * *

В канун нового сорок четвертого года Соня Шарова получила десять лет лагерей по приговору спецколлегии облсуда, именуемой также Особым совещанием, изобретение которого есть безусловное коммунистическое ноу-хау.¹⁵

В январе разыгралось кровопролитное Корсунь-шевченковское сражение, и заснеженные равнины Правобережья оказались устланы телами павших солдат и горами развороченной бронетехники. Война решительно обернулась вспять. В феврале советские войска взяли Ровно и Луцк.

Полковник Шаров и его истребители дрались с истребителями Четвертого воздушного флота Люфтваффе. Места были знакомыми, тут довелось начинать войну. Шаров часто думал о Соне. Но, она исчезла, как изображение с экрана, не оставив ни следа, ни зацепки. Мысли о ней приносили боль, почти не притупившуюся со временем.

Состояние Шарова не было секретом для Вики Семеновской, его фронтовой «жены». Капитан медицинской службы Семеновская прибыла в авиаполк еще накануне битвы на Курской Дуге. Она была жгучей брюнеткой с привлекательной фигурой и толковой головой. При виде доктора летчики облизывались, как коты на сметану, но Вика была недоступна, положив глаз на командира. Его историю она, конечно же, знала. Ну, и что с того, таких были тысячи. На первых порах он даже не глядел в ее сторону, но, вода, говорят, точит камень. В особенности, если внутри «камня» такая звенящая пустота, какую ни заполнить спиртом и пустыми надеждами, а безвестность, поглотившая семью, очень похожа на небытие.

¹⁵ Пресловутое ОСО, или тройка НКВД, – орган внесудебной расправы при Сталине. ОСО даже не судило, а накладывало административные взыскания, как правило заочно, согласно литературным статьям, не имеющим аналогов в УПК. Админвзыскания подразумевали длительные лагерные сроки или расстрел

* * *

Армия с боями продвигалась на запад, освобождая от фашистов города, села и веси. А за армией, в виде титанического невода, шли части МГБ. Ловись рыбка большая и маленькая. И рыбка, конечно, ловилась, причем целыми косяками, и чем дальше, тем больше. В Восточную Сибирь, на бескрайний Север потянулись теплушки под конвоем. Их пассажиров ждал ненасытный Гулаг, попасть в который гораздо проще, чем вырваться.

В вагонзаке Соня пересекла лежащую в руинах страну. Этап насчитывал полтысячи человек. Камеры Красноярской пересыльной тюрьмы и без него оказались забиты, как вагоны метро в час пик. Люди попадались разные. Хватало и зажиточных с виду, пригнанных, очевидно, с Запада. Блатные, эта «белая косточка» лагерей, безнаказанно шерстили «предателей», добывая себе на чифирь и водку, а тюремному начальству дорогие импортные шмотки.

Пересыльная тюрьма работала по принципу гигантского насоса, проглатывая арестантов, чтоб протолкнуть на дальние пересылки согласно каким-то неведомым, под грифом «Секретно» планам. В этих мутных разношерстных потоках было запросто затеряться и пропасть. Что и произошло с Соней. Она сгинула навсегда.

* * *

Нинку определили в детдом, и она росла там, ничем не отличаясь от тысяч других мальчиков и девочек, оставленных войной без родителей.

Летом сорок четвертого Шаров был сбит над польским городом Сандомир, благополучно посадил самолет на брюхо, но, был накрыт артиллерией гитлеровцев. Поле прилегало к переднему краю.

Пока он лежал в госпитале, советские войска перевалили Карпаты, заняв Румынию и Болгарию, Прибалтику и Белград, осадили Будапешт и угрожали Восточной Пруссии.

Когда в январе сорок пятого полковник Шаров вернулся в строй, воздушные сражения развернулись в небе Германии. Немцы применили новейшие реактивные истребители, но ничто уже не могло спасти «тысячелетний» рейх. Война в Европе подошла к завершению.

* * *

Поздней весной сорок пятого Нина Шарова переболела свинкой. Болезнь протекала тяжело, с медикаментами обстояло не густо, рацион был убогим, а девочка сильно истощена. Только к июлю Нина пошла на поправку. Летом детей вывезли в пригород, на оздоровление.

В августе американцы, впервые в мировой истории применив ядерное оружие, стерли с лица земли Хиросиму и Нагасаки.

Шаров с Викой прибыли в Москву. Полковника перевели в резерв. Вика Семеновская, уволившись в запас, устроилась на работу в поликлинику. Они поселились на Садовом кольце, у ее родственников. Шаров изнывал от бездействия. Чтобы не сидеть в четырех стенах, он уходил из квартиры с Викторией, провожал бывшую фронтовую, ныне гражданскую жену на службу, а затем бродил по городу. Дни стояли погожие, хоть, потихоньку, холодало.

В канун нового сорок шестого года Шаров получил назначение в Прикарпатский военный округ. Вика, как настоящая жена, последовала за ним на Украину. Впрочем, переезд ее не обрадовал.

– Надо было в Академию проситься, – они сидели в купе. Вагон покачивался на ходу, как шхуна. Время было к вечеру.

– Без лапы? – Шаров вооружился щипцами, чтобы отломить кусок от слитка сахарина, похожего на небольшой сталактит. – Тебе положить?

– Великовский без лапы обошелся. – Вика жестом отклонила предложение.

– Великовский без мыла в задницу залезет. А я пас. Извини.

– Просто ему на семью не наплевать!

Шаров пожал плечами, и, подумав о Соне, принялся вращать ложкой в стакане. Кусок сахарина болтался на дне, растворимый, как кремень.

– Мало по гарнизонам намотались? – Вика извлекла из дорожной сумки кольцо настоящей домашней колбасы. Ее запах кружил голову. Шаров потер руки, решив, что не время ссориться. Потянулся за беленькой.

– Будет тебе. И так, считай, повезло. Кругом сокращения... Командармы корпусами командуют. Комбриги полками. И еще спасибо говорят. Я ни чем не лучше других. Это еще благо, что не в отставку...

– Зря ты себя недооцениваешь. – Вика поджала губы. – Окружающие чувствуют это. И катаются на тебе.

– Брось.

– Сиди теперь в Черновцах.

– А что в них плохого?

– На себя плевать, так хоть обо мне бы подумал! О моей диссертации, в конце то концов. – Вика писала диссертацию, рассчитывая защититься в грядущем году. Не то, что бы Шарову была безразлична будущая ученая степень гражданской жены. Но, он все чаще думал о Соне.

– Не стоило ради меня идти на такие жертвы. Осталась бы в Москве...

– И это твоя благодарность?! За все эти годы?! Мало того, что ты меня в дурацкое положение ставишь... – это был «больной» вопрос для обоих. Эра фронтовых жен канула вместе с войной. Статус надо было менять. Или расставаться. Вика последнего не хотела. Шаров толком не знал. Домашняя колбаса осталась не тронутой в окружении стаканов. Шаров зажмурился, прислушиваясь к стуку колес.

* * *

Поздней весной сорок шестого года Вика Семеновская забеременела.

«Значит, так тому и быть», – решил Шаров, и судьба, словно в насмешку, впервые принесла весточку о Соне.

В первых числах июня Шаров был вызван к комдиву. Они были старыми приятелями, еще с Курской Дуги.

– В общем так, Гриша, – не стал тянуть резину комдив. – Мы люди военные. Прямые. Есть информация, – пытливый взгляд из-под кустистых бровей, – о твоей Соне.

Шаров задохнулся в глубоком трофейном кресле.

– О Соне?! Что ж ты молчишь?!

– А ты погоди радоваться.

– Не понял? – осекся Шаров. – Жива?

– Жива-то жива, Гриша. Но... – и комдив выложил историю ее падения и последовавшей затем расплаты.

– Как, пособница?!

– А вот так, Гриша. – Комдив выудил из-под стола графин, наполнил граненые стаканы до краев. – На-ка, выпей.

Шаров проглотил водку, показавшуюся сгоряча водой.

– Тут такое дело, – подался вперед комдив. – Информация из особого отдела армии пришла. Свояк там сидит. Мы с ним так определились, чтоб эту беду в папку, и под сукно. Понял меня?

Шаров опустил глаза.

– Ты, вроде, с женщиной проживаешь?

Шаров густо покраснел.

– Ну так и женись, понял? Военврач. Награды правительственные. – Генерал хлопнул Шарова по плечу. – Женись, давай, и точка. А то развел в полку, черт знает что...

– А о дочке моей есть у твоего особиста сведения? – спросил Шаров хрипло. В горле пересохло. Генерал смерил его взглядом.

– Давай еще выпьем.

– Это не ответ, Ваня.

– Не ответ, – согласился генерал, и потер загривок. – Жива твоя Нинка. Но, я б тебе не советовал...

– Где она? – перебил Шаров.

– В детском доме, где еще... – генерал протянул сложенный пополам лист бумаги. – Вот адрес. Заранее выписал. А насчет женитьбы – я серьезно.

– Я, вроде, женат, – проговорил Шаров мрачно.

– Была война, – делая ударение на каждом слове, проговорил комдив. – Понял, да? Люди погибали. Пропадали без вести, без счета. Ты понял меня?!

Шаров сунул бумажку с адресом в карман. Генерал, проследив за его движениями, вздохнул понимающе и невесело.

– Тут из Академии разнарядка пришла. Два места на дивизию. Сам понимаешь, самых из самых, приказано... Я сразу тебя наметил. Так что, ты взвесь хорошенько. На трезвую голову. А то ведь как получается, можно одну запись в личное дело сделать, а можно другую. Тебе выбирать...

В середине лета Григорий и Вика расписались. Новоиспеченная супруга предпочла оставить девичью фамилию. Шаров возражать не стал. Свадьбу отметили по-домашнему, в узком кругу. Приглашенный в качестве почетного гостя комдив порадовал молодых «царским» подарком:

– Сдавай, Григорий, полк. В Москву поедешь. В Академию. Вот как.

Перед самым отъездом Шаров выхлопотал командировку в Киев. Так, по крайней мере, гласила надпись в проездных документах. Вика хотела составить ему компанию, но полковник решительно отказал, вследствие чего они потом долго не разговаривали. Чем занимался в Киеве Шаров, не задержавшись в штабе округа и получаса, в точности неизвестно. Вернувшись в Черновцы мрачнее тучи, он без проблем сдал полк, распрощался с сослуживцами и отбыл с супругой в Москву. Учиться в академии имени Фрунзе.

Викин животик, заметно округлившийся, выпирал из-под летнего платья. Вика была довольна, в Москве у нее было полно подруг среди медиков. Да и вообще, в столице рожать спокойнее. Шаров держался подчеркнuto ласково, хоть и ходил, как в воду опущенный. Вика его не донимала. Вика прикидывалась слепой.

* * *

В сорок седьмом Нина Шарова пошла в первый класс. Григорий как раз готовился к выпускным экзаменам. Академический курс он проходил ускоренно, и, вышло так, что первые Нинкины уроки совпали с его экзаменами. По времени, но не по месту. Жили они все равно, что в разных измерениях, будто в двух противоположных уголках вселенной, разделенных миллиардами парсеков. И не могли пересечься.

Окончив Академию, Шаров привинтил на мундир белый академический ромб со звездой и отправился служить в Белоруссию, в штаб Западного военного округа. Выхлопотал квартиру в центре Минска и зажил более или менее сносно, в относительном достатке и комфорте, какие большинству граждан страны-победительницы и во сне не могли присниться. Не самый маленький служебный оклад и внушающий уважение продпаяк оградили его семью от разразившегося вскоре голода. Люди снова умирали прямо на улицах, как было некогда в коллективизацию. Но, Шаровы жили на острове посреди океана слез. А по берегу шел забор.

Служба потекла размеренно, без былых довоенных авралов, замешанных на милитаристских психозах ала: Окропим весь мир красненьким. Шаров ходил в штаб и обратно, Вика с удовольствием осваивала профессию домохозяйки. Кто сказал, что она этого не заслужила? Излишки провианта выменивались Викой на одежду у, говоря по-советски, субъектов «черного» рынка. Когда в желудке переваривается мясо, можно подумать о моде. Модные устремления госпожи Семеновской причудливо уживались с натуральным обменом, свойственным шалашам неандертальцев. Вику это не смущало, а новые кофточки, пальтишки и сапожки не наводили на мысли о беде, постигшей миллионы соотечественников. В самые критические периоды Шаров отослал пару переводов в Киев, и это было все, на что он сподобился. Внутренний цензор, который, как правило, привередливей внешнего, не дремал. *«Добиваешься, чтобы вопросы пошли?»* Он даже заготовил, на всякий случай, историю о дочери павшего смертью храбрых товарища, которую, мол, поклялся поддерживать. Трогательная по сути сказка была не готова выдержать мало-мальски серьезную проверку МГБ, но Шаров надеялся, что до этого не дойдет. Пару раз полковник порывался переговорить с женой об удочерении Нинки, но, в конце концов, похоронил идею в душе рядом с могилой, принявшей память о Соне. Теперь душа напоминала кладбище, которое Шаров окроплял водкой. Вика предпочитала не вмешиваться. К чему досаждать человеку, который и без того на пути к правильным выводам. Чтобы потом быть крайней? В общем, она была мудрой женщиной.

* * *

Некий внутрисоветский либерализм, навеянный освободительным походом в Европу, после войны быстро пошел на спад. Сажать стали даже гуще, чем прежде. Болтовню о побежденных, живущих много лучше освободителей, следовало немедленно прекратить.

В 53-м скончался Сталин, и Берия выпустил на волю уголовников. Страну захлестнул вал кровавых преступлений, но, чего не сделаешь для введения чрезвычайного положения. Вскоре, правда, Берия был отстранен, арестован и расстрелян, но объявленная им амнистия понаделала много бед. Судьба слепа, и, когда тыкает перстом, то, скорее, стреляет по площадям. В феврале 54-го грабители подкараулили Вику Семеновскую в парадном, и она рассталась с шапкой, шубой и жизнью, потому что кому-то из урок не терпелось махнуть заточкой. После похорон Шаров «сел на пробку», как сухогруз на мель. Чтобы присматривать за шестилетним Владленчиком, довелось нанять домработницу.

* * *

В октябре пятьдесят седьмого маршала Жукова поперли со всех постов. В армии начались сокращения.¹⁶ Угодил «под топор» и Шаров, приказ об увольнении в запас подоспел акку-

¹⁶ Имеются в виду события октября 1957, когда Пленум ЦК КПСС с подачи Никиты Хрущева в пух и прах разнес руководство Вооруженными Силами и лично министра обороны Союза ССР и члена Президиума ЦК КПСС Маршала Советского Союза Георгия Жукова (1896–1974). Его сняли со всех постов а в марте следующего, 1958, уволили в отставку, хоть маршалы и не подлежали увольнению. Таким образом Хрущев избавился от бывшего верного союзника и опасного конкурента.

рат на день рождения. Для полковника, ожидавшегося генеральских лампасов, это стало катастрофой. Предстояло обустроиться на гражданке, разыскивая новые точки опоры, а он их не видел, и не хотел искать. Ни на авиационном заводе, ни в ГВФ, у него с первых же дней не заладилось. Покойная Вика наверняка бы сказала, что, поскольку он нацепил маску «обижен на всех», то и отношение окружающих соответственное. Впрочем, окружающие были ему до лампочки, а жизнь превратилась в интервалы между запоями, и чем короче они становились, тем лучше чувствовал себя полковник.

В шестьдесят первом Гагарин полетел в космос. Шаров забрал Владлена из школы, определив в Суворовское училище. Идея лишить пацана детства родилась в редкую минуту протрезвления. Детство детством, а будущее, очевидно важнее. Военное училище не худший выбор в стране победившего милитаризма, а казарменное положение сопоставимо с домом, где зрелище ежевечернего отцовского пьянства наступает с регулярностью программы «Время». Раскаяние, случающееся после попок, протекает особо остро. В общем, Шаров принял правильное решение.

Четырнадцатилетнему Владлену не хотелось одевать сапоги. Мальчишке нравилась геология, тем более, что уже пошла подыматься волна, которой к середине шестидесятых было суждено вознести эту нелегкую и далекую от романтики профессию на совершенно иной качественный уровень, подарив слегка отогретой Хрущевской Оттепелью стране образ бородастого, пропахшего костром добряка в штормовке и с неразлучной гитарой. Честного советского работника, но, еще, самую малость, и бунтаря, впрочем, не совсем ясно, против чего. Как бы там ни было, Геолог казался много привлекательней пограничника с овчаркой или сталевара за партой вечерней школы, и им многие заболели. Возникновение Геолога пришлось тем более кстати, следовало достраивать БАМ, возводившийся при Сталине стараниями эзков. К кнуту добавился пряник.

В шестьдесят четвертом, сразу по свержении кремлевскими заговорщиками Хрущева¹⁷ полковник в отставке Шаров, кавалер множества оплаченных кровью наград, отправился в гараж, планируя заняться ремонтом автомобиля. Гараж был капитальным, со смотровой ямой по периметру и добротными бетонными перекрытиями. В свое время его возвели за счет военного ведомства силами целого взвода солдат, с применением цемента, используемого для бетонирования ДЗОТов.

Как показали впоследствии соседи, полковник выкатил из гаража «ЗИМ», полученный на последнем году службы. Задрал капот и до обеда возился с мотором. Как и когда он оступился и упал в яму, свидетели показать не могли. Шаров сломал шейные позвонки и умер мгновенно. Экспертиза показала, что в тот день он был трезв, как стекло.

Жуков долгое время был вторым человеком в государстве

¹⁷ Имеются в виду события октября 1964, когда пленум ЦК КПСС, в отсутствие Никиты Хрущева (1894–1971), снял его со всех постов «по состоянию здоровья», после чего свергнутый советский реформатор жил и умер под домашним арестом. Личность Хрущева не оценишь в двух словах. Он развенчал культ личности Сталина, которому до того служил верой и правдой, провел массовую реабилитацию политзаключенных, улучшил отношения СССР с капстранами и чуть не развязал ядерную войну в ходе Карибского кризиса. Разругался с маоистским Китаем и сеял повсюду кукурузу. Разрешил жилищный кризис хрущевками, которые, возможно, простоят дольше современных высоток и расстрелял мирную демонстрацию в Новочеркасске. Обзывал художников-абстракционистов «пидарасами», грозился похоронить Америку и наводил ужас на Ричарда Никсона, обещая показать США мать какого-то Кузьки, чем довел до инфаркта переводчиков из Госдепа

Глава 2

НИНА ШАРОВА

Ничего этого Нина, конечно, не знала. Она росла в детдоме, и не помнила ни отца, ни матери. Зато частенько представляла обоих. И еще, они приходили к ней по ночам. Мама в образе сказочной феи, отец непременно офицера. Родители любили Нинку во сне, она отвечала взаимностью. Бывало, они отправлялись на пикник, или купались в море. Море Нинка видела на картинках, и они влекли ее как прибой. Все было здорово и весело, если бы не одно обстоятельство. Нинка слышала и смех, и голоса, она почти ощущала прикосновения теплых, заботливых рук, но не могла разглядеть лиц. Лица расплывались в воображении, неуловимые, как мысль, которая есть, и в то же время недосягаема. Они не желали прорисовываться, упорно оставаясь смутными улыбающимися пятнами. И она ничего тут не могла поделать.

Правда, у нее было воспоминание, относящееся то ли к сорок пятому, то ли к сорок шестому году, настолько хрупкое, чтобы скорее казаться плодом воображения. Вроде как она возилась в песочнике, рядом с другими сиротками, когда к площадке подошел офицер. Воспитательница подозвала Нинку, подвела к офицеру и отступила в сторону. Дальнейшие события оставили только крохотную, но яркую зарисовку: вечером того дня каждому выдали по полплитки шоколада и, очевидно, появление таинственного офицера каким-то образом увязывалось со столь диковинным пиршеством, случившимся после ужина. Вот, собственно, и все.

* * *

В пятьдесят седьмом Нина окончила школу с золотой медалью, открывавшей двери любого вуза, будь то мединститут, политех или университет. Нину тянуло в медицину. Проблема состояла в том, что лучшая подруга Алка Гринштадт собралась обучаться на финансиста. Экономическое поприще не привлекало Нину, но дружба в юности не абстракция. Юность наивна и потому чиста. Нина предпочла дружбу призванию, и подала документы в НарХоз. Летом подруги были зачислены на дневное отделение. В институте они сидели за одной партой, в общаге заняли соседние койки.

Студенческие годы – едва ли не самый счастливый период жизни, если, конечно, вам удалось протолкнуться в студенты. Вы молоды и здоровы, а потому беззаботны, даром, что ваш желудок частенько пуст, а в карманах гуляют сквозняки. Ну и пусть. Деньги – дело наживное.

Большинство сокурсников Аллы и Нины жили в семьях, имея за спинами подготовленные родителями тылы. Подруги же на этом свете были одиночки, как два атолла посреди океана, что наделяло их определенной свободой, свойственной перекаати-полю, но, от того, не представлявшей менее заманчивой. Впрочем, среди студентов встречались и отпрыски колхозников, благо, Хрущев отменил сталинское крепостное право. Последних насчитывалось немного, и перекаати-полями они не казались.

Между тем, на дворе стояла Оттепель. В уродливом средневековом анклавом, каким была выстроенная Сталиным империя, веяли ветры перемен. Новое руководство страны, убрав самых одиозных соратников Вождя, кого мирно, а кого через трубу крематория, взялось за давно назревшие реформы. Вскоре, правда, выяснилось, что переделать унаследованную боевую колесницу во что-нибудь удобоваримое сложнее, чем перековать мечи на орала. Но, Нинка об этом не задумывалась, опьяненная приходом невиданной доселе свободы. Ей не довелось увидеть воочию международный фестиваль молодежи и студентов, потрясший Москву в 57-м. Но, его продолжали упоенно обсуждать, потому что волны того действия расходились по стране, всколыхнувшейся после полярной ночи. Ослабленные, как вирусы под солнечными лучами

органы, на скорую руку переименованные в КГБ, валились с ног в безуспешной попытке контролировать невиданное по размаху событие.

Спохватившиеся «реформаторы» ринулись заворачивать отпущенные было гайки, штампуя один драконовский указ за другим. То об уголовной ответственности за валютные операции, то вообще за хранение валюты, то о борьбе с расплодившимися будто саранча туньядами. Бульдозеры давили выставки картин, а танки восстания в восточной Европе. Стало очевидно, что как только смирительная рубашка ослабела, пациент попробовал вырваться. «Забыли, видать, 37-й? – бросил Хрущев по этому поводу. – Так мы напомним!».

* * *

В шестьдесят втором Нина очутилась на производственной практике в Новочеркасске, где своими глазами видела кровавую бойню, устроенную войсками демонстрантам. Добросовестно изучая в институте марксизм-ленинизм и другие науки того же пошиба, Нина усвоила взгляды классиков на экономические требования трудящихся, почитавших последние оппортунизмом, то есть отходом от идеалов классовой борьбы. Это, естественно, в мире капитала. «Что же бы предприняли войска, – думала Нинка, огородами возвращаясь в общежитие, – если бы демонстранты требовали политических перемен, а не колбасы и хлеба в магазинах?»¹⁸

После расстрела в Новочеркасске, еще не просохли кровавые лужицы на мостовой, как КГБ не замедлил с арестами, выявляя и ликвидируя зачинщиков. Ах, это волшебное слово «зачинщик», с поразительной быстротой ссучивающее запуганный властями народ.

Вскоре Нина покинула онемевший Новочеркасск. Практика подошла к концу. Киев встретил ее желтеющими кронами каштанов и тонким запахом прелой листвы.

* * *

Когда в октябре шестьдесят четвертого товарищ Хрущев погорел стараниями товарища Брежнева сотоварищи, Нина уже трудилась экономистом. Подруга Алка к тому времени выскочила замуж и обзавелась потомством. День падения дядюшки Хрю (так Алка втихаря прозвала Хрущева) запомнился Нине на удивление четко, в виде некоего имплантированного в голову образа. Нина приехала навестить Алку, сидящую в законном декрете. Подруги отправились погулять. Ребенок спал в коляске, низкой, словно болид Формулы-1.

– Черт знает что! – возмущалась Алка, пока подруги шли по Щербакова. Кругом высились пятиэтажные новостройки, а только-только приживившиеся саженцы напоминали воткнутые в почву стрелы. Во дворах жужжали циркулярки, рабочие прямо по месту мастерили двери. – Белого хлеба днем с огнем не найдешь. Пока с коляской не припрешься, булки не выпросишь!

– Да тише ты... – одергивала подругу Нина. Она не раз слышала, что за подобные разговоры можно шутя лишиться прописки. – Чего ты орешь? Хочешь в каталажку?!

– Довели страну до ручки! – не сдавалась Алла, отчего Нинку обуял порыв нырнуть за ближайший угол.

В обед ТАСС передало экстренное сообщение о внеочередном Президиуме ЦК. Хрущева отстранили от власти.

¹⁸ Нина Григорьевна стала свидетельницей расстрела мирной рабочей демонстрации 2 июня 1962 в Новочеркасске. В городе на тот момент находились высшие руководители ЦК, КГБ, МВД и армии, было задействовано пять дивизий, в т. ч. танковая. После стрельбы тела погибших были захоронены властями тайно, площадь у горкома КПСС заасфальтирована, зачинщики выявлены агентами КГБ, осуждены, семеро расстреляны, больше сотни человек получили от 10 до 15 лет лагерей. Потрясающая реакция рабоче-крестьянского государства на требования рабочих повысить заработную плату

– Туда ему и дорога, волонтеристу чертовому! – делилась впечатлениями Алла. Нинка поспешила уйти. После полудня хлебные магазины наполнились пшеничным хлебушком, и Нинка констатировала, что нехитрый фокус, рассчитанный на выхолощенное непрерывной селекцией сознание совков, вступил в финальную стадию. Еще Нина подумала, что, возможно, фокус предназначался для самих фокусников. Кому, в конце-то концов какая разница, что там подумают сограждане бараны. Их мнение никому не интересно.

* * *

В шестьдесят пятом Нина неожиданно для самой себя влюбилась и вышла замуж. Вообще-то была она девушкой серьезной, рассудительной. Недаром Алка любила повторять, что мол, мы, детдомовские, тертые калачи. Но тут Нинку обуяла страсть. Виной всему была Алка. Это она, следуя врожденной женской склонности к сводничеству, познакомила Нину с Олегом Капониром, мастером спорта, интеллектуальным и обаятельным красавцем, обладателем фигуры античного героя и такой белозубой улыбки, что любой американский киноактер наверняка бы лопнул от зависти. Олег был одноклассником ее мужа, Алика.

– Хватай парня, пока бесхозный, – шипела Алка, прополаскивая посуду после вечеринки. Мужчины прохлаждались на балконе. – Такие на дороге не валяются. Ты погляди, какой видный. А родители? Родители знаешь у него кто?!

От таких разговоров Нина багровела, как вареный рак.

– Да я...

– Да ты слепая, если не заметила, какими он на тебя глазами смотрел. Хватай, пока я, ей Богу, своего Алика ради него не отшила!

Но, что бы там не молола подруга Алка, Нина сама чувствовала, как голова кругом идет. В общем, они с Олегом, очевидно, нашли друг друга. Такое, как правило, чувствуется сразу, хоть, порой, и не влияет на последствия. Свадьбу сыграли в ресторане отеля «Москва». С таким поистине купеческим размахом, что воспитанная в пуританском духе Нина была несколько оглушена.

– Ох, Нинка, и подфартило тебе! – трещала Алка, естественно, избранная свидетельницей.

* * *

После бурной брачной ночи, стоившей Нине девственности, молодые отправились в свадебное путешествие. Лоснящаяся, как сапог хорошего солдата «Чайка» доставила их в аэропорт. Все для Нинки было внове. И крутой трап, по которому они поднялись на борт серебристого лайнера, и элегантные стюардессы в небесно-синей униформе.

«Наверное, это просто сон, – думала Нинка, боясь вот-вот пробудиться, а за плексиглазом иллюминатора проплывали белые, словно снег облака. Земля проступала кое-где в виде подернутых дымкой пятен, отчего сверху казалось, будто смотришь на дремлющую под сугробами речушку с редкими прорехами полыней.

В аэропорту города-курорта Нальчик их встречала угольно черная «Волга» с хромированными бамперами и оленем на капоте. Водитель-кавказец с ветерком доставил молодых в чудесный загородный дом, показавшийся Нинке дворцом арабского халифа из сказок Шахерезады.

– Мы тут будем жить?!

– А то. – Олег самодовольно улыбнулся. – Это дачка старинного папкиного приятеля, а он, между прочим, второй секретарь крайкома. Передохнем, пару дней, и отправимся дальше, когда надоест.

Нинка подумала, что посреди этой роскоши, возле журчащего во дворе фонтана, под налитыми виноградными гроздьями, или в тени такого роскошного сада, который и Мичурина бы заставил проглотить язык, ей и за тысячу лет не надоест. Но благоразумно смолчала.

Хочу тебе Кавказ показать, – сказал Олег, и Нина подумала, что это будет здорово. Так и вышло. Нина увидела Пятигорский провал, у которого Бендер обирал «лохов», наладив тот вид бизнеса, что достигнет апогея при Березовском и Абрамовиче. Они посетили нарзанные источники, навеивавшие Лермонтову «Кавказского пленника» или «Мцыри». Побывали в Домбае, и Нинка впервые прокатилась на канатке, а на память купила шерстяную шапочку с кисточкой, которую называли «домбаевкой». Много у нее в эту поездку случилось впервые. И величавый двуглавый Эльбрус, и Военно-Грузинская дорога, и погруженный в облака Казбек. Тбилиси поразил Нину уютными узкими улочками и гостеприимными, улыбочивыми горожанами. Фундуклер поднял молодоженов на Мтацминду,¹⁹ а от открывшегося вида захватило дух. Затем они пересекли Колхиду, и выбрались на Южный берег Кавказа. Здесь их тоже встретили и опекали вездесущие друзья свекра.

– У твоего отца что, по всему Союзу друзья?

– А ты как думала? Такой он человек.

Отец Капонира был человеком не маленьким, занимая пост ответственного сотрудника ЦК Украинской компартии.

– Как ты вообще на такую нищету запал? – поинтересовалась Нина. Они сидели на берегу сказочно красивого озера Рица, полоща ступни в изумрудной водичке. Роскошь, в какую Нина угодила нежданно-негаданно, заставляла чувствовать себя Золушкой. А это, в свою очередь, пробуждало иронию. Не совсем уместную и темного цвета. Рождавшееся на подсознательном уровне тотчас же выливалось через рот.

– Это ты к чему? – Олег на ходу осекся.

– Так, ни к чему. – Отвернулась Нинка.

– Мне скрывать нечего, – его голос дрогнул. – мои родители такие, как есть. Я не виноват, что из верхушки. Родителей не выбирают, впрочем, мои меня устраивают. И тебя, полагаю, тоже. – Нинка открыла рот, но Олег еще не закончил. – Ты права, они были категорически против моего выбора. И настойчиво переубеждали, поверь. Безуспешно, как видишь...

– Какой же ты храбрый! – фыркнула Нинка.

По возвращении из круиза их ждала собственная благоустроенная квартира на улице Свердлова, обставленная по последней тогдашней моде. Особенно Нинку поразила тахта, казавшаяся приземистой, словно спортивная машина. В гостиной стояло чудо современной радиотехники, ламповая радиолка «Эстония», смахивающая на сундук Билли Бонса. Ручки настройки, цвета слоновой кости, каждая величиной со стакан, производили подобающее впечатление, а шкала радиоволн вмещала такой внушительный перечень городов, что впору братья за географический атлас. Проигрыватель грампластинок в верхней части радиолы предполагал две скорости вращения. Олег сразу нашел последнему новшеству применение, слушая записи партийных съездов и буквально покатываясь со смеху. Нинка неодобрительно пожимала плечами.

* * *

В шестьдесят шестом она родила сына. Роды были тяжелыми, вопреки целому табу на врачей, собранных всеильным свекром. Нелюбимая невестка не помешала старшему Капониру должным образом побеспокоиться о наследнике. Появившийся на свет мальчуган ока-

¹⁹ Гора Мтацминда возвышается над грузинской столицей. Тут парк и знаменитый пантеон, где покоится прах Александра Грибоедова, Серго Закариадзе и других выдающихся людей

зался болезненным и невезучим. Он здорово не добирал в весе, к тому еще заработал диспепсию. Из роддома Нину увезла правительственная «Чайка», свекор снова оказался на высоте. Извечно недовольная свекровь по этому торжественному случаю даже изобразила улыбку, что само по себе воспринималось, как подвиг.

Рождение продолжателя рода Капонириков с подобающей помпой отметили в ресторане. Нинка на мероприятии не присутствовала. Младенец подхватил отит, ей было не до застолья. Свекор предлагал нанять няню, но Нинка наотрез отказалась.

Олег возвратился из ресторана под утро, Нина закатила истерику, держа сынишку на руках и безрезультатно пытаясь укачать. Пьяная болтовня мужа распалила ее до белого каления, и, впоследствии, они долго не разговаривали.

Следующая размолвка не заставила долго ждать. Олег, видимо с подачи матери, вознамерился назвать сына в честь деда – Ростиславом. Нине это имя не нравилось. На ее взгляд, оно было еврейским, а евреев она недолюбливала, на каком-то неосознанном, генетическом уровне. В конце концов, она уступила. Но, отступить, не значит забыть. Нина ничего не забывала.

* * *

Будь Капониры спартанцами, у Ростика не было бы ни малейшего шанса. Младенец без перерыва болел. Нина не отходила от сына, выматываясь, как сталевар у мартена. По прошествии многих лет тот ранний период материнства казался ей невероятно длинной непрерывной ночью, в продолжение которой она только и делала, что нянчила ребенка на руках, поила молочной смесью из бутылочки, а он давился, кашлял и горел. И плакал, плакал без перерыва.

Справедливости ради следует признать, что свекор держался молодцом, помогая то врачами из четвертого управления Минздрава, призванного лечить номенклатуру, то лекарствами, о каких простые социалистические смертные не могли даже мечтать, потому как не знали об их существовании. Свекровь же не таила чувств, приезжая раз в две недели, чтобы сделать внуку дежурное «уси-пуси». Этим «уси-пуси» ее забота ограничивалась. *«Тожемне, бабушка»*, – скрипела зубами вынужденная помалкивать Нинка.

Олег, которому отец выхлопотал безбедное местечко в спорткомитете, пил и гулял в полном соответствии с должностью. Семья его почти не интересовала. Он непрерывно болтался «по заграницам» в составе всевозможных номенклатурных делегаций, подвигая советский спорт к новым мировым достижениям. Дома объявлялся наскоками, проявляя к сыну поразительное, с точки зрения Нины, безразличие. «Да чего ты бесишься? – удивлялся Олег, извлекая из безразмерного гроссовского чемодана всевозможные западных безделушки, по части которых он имел «пунктик». – Я же для нас всех стараюсь». Нина, не без оснований полагала, что диковинный кассетный магнитофон «Грюндиг», величиной со средних размеров мыльницу, даже в комплекте с не менее миниатюрным усилителем, вряд ли заменит Ростикову отцовскую заботу, но лучше так, чем вообще никак. Нинка первое время оценивала чрезмерное увлечение супруга западным ширпотребом, как некую мещанскую блажь, и только позднее отнесла к разряду «манечек», которые не лечатся медицинскими препаратами. Чуть позже Олег начал закладывать. Не попивать, от случая к случаю, а именно пить, что, в принципе, целиком отвечает логике. Это было уже серьезно и требовало немедленного вмешательства. Нина попробовала бороться, противопоставив состоянию «под шафе» истерики.

Олег только кивал в ответ, а потом надолго исчез. Перепуганная Нина, продержавшись с неделю, забила тревогу. К делу подключился всесильный свекор, и вскоре выяснилось, что Олег преспокойно проживает у другой женщины, в нескольких кварталах от дома. Свекор лично поехал к сыну, выволок за грудки, (перепуганная сожительница забаррикадировалась в ванне), и, в три минуты доставил домой. В машине отец дал волю гневу:

– Говнюк поганый! – орал он на пределе связок. – Чучело задрипаное! Шуры-муры развел?! Опозорить меня хочешь?! Я тебе покажу, членом туда, членом сюда! Я тебе, сучий кот!..

Олег, в деталях изучивший отца-начальника, помалкивал в тряпочку, зная, что гнев сильных мира сего страшен поверхности для излияния, и чем шероховатей края, тем ужасней последствия. Поскольку Олег молчал, ярость Ростислава Капонира вылилась через эту немоту, как жидкость в воронку. На пороге квартиры старший Капонир приутих. Их встретила бледная, словно смерть, Нина. Ей как раз удалось укачать малыша, и она приложила палец к губам. Свекор понимающе кивнул. Олега она не удостоила даже взглядом.

С тех пор, как беглый муж был водворен домой, будто крепостной на барщину, между ним и Нинкой воцарилось глубокое отчуждение, напоминающее холодную войну. Они спали в разных постелях. Нинка горела огнем, полагая, что он избегает ее нарочно. Демонстративно брезгает, что ли, и от того бесилась все больше и больше. Он же просто потерял к ней интерес. В общем, супруги жили в условиях негласного бойкота, от чего Нинка со временем стала чувствовать себя Эдмондом Дантесом, похороненным заживо на улице Свердлова. Забота о болезненном сыночке занимала все ее время, и она была почти образцовой матерью. Но, ее тянуло в мир, которого она была временно лишена.

– Пойдем мы с тобой в ясли, – говорила Нина Ростик, а тот радостно улыбался в ответ, жуя соску и пуская слюни. – Да. А то я, знаешь, совсем дома отупею. Ты уж меня извини.

Олег решение Нины проигнорировал. Видимо, ему было безразлично. Зато свекор примчался, как на пожар, пустившись в уговоры, благожелательные, но настойчивые.

– Ну, какая надобность, а? Деньги не проблема, ты же знаешь.

– Дело не в деньгах, Ростислав Иванович...

– Ты же сама говорила, что, мол, болезненный...

– Клин клином, – отмахнулась Нинка, хотя сама так не думала.

– Ты это брось, клин клином...

И все же, Нине удалось убедить свекра, что роль затворницы отыграна до последнего акта.

– Ладно, – смирился он, – будь по-твоему, дочка. Уговорила.

Меньше всего Нине хотелось, чтобы к обязанностям бабушки приступила свекровь. Свекрови этого тоже не хотелось, и это был первый и последний случай, когда устремления обеих женщин совпали. Еще свекор предложил нянечку, но Нина настояла на яслях:

– Пускай ребенок в коллективе растет.

Как только Ростик очутился в лучших яслях города, свекор подыскал Нине работу:

– Ты у нас по финансовой части? Тут место есть, в банке. Неплохое.

«Ну, что же. Банк, так банк».

Периодическое вмешательство свекра в свою карьеру (негласное и весомое), она ощущала на протяжении нескольких последующих лет. На службе с нее не то, чтобы пылинки сдували, но и обидеть, никто не смел. И продвигалась она не стремительно, но легко. Рывки чреватые падениями, а поступательное движение залог успеха. Летом свекор выбивал для Нины и внука самые престижные путевки на море, так что экзотические названия вроде Гагры, Сочи или Пицунды не были для нее пустыми звуками. В семьдесят первом году они с Ростиком совершили круиз по Средиземному морю, с заходом в Афины, Венецию, и Марсель. В Египте Ростик катался на верблюде, а Нина смотрела на пирамиды Гизы и не верила собственным глазам.

* * *

В семьдесят втором Ростик пошел в школу. Первый раз в первый класс, как тогда принято было говорить. Ему даже посчастливилось звонить в звонок, чему он был невероятно рад. Из

вынесенного во двор проигрывателя «Аккорд» неслась песенка про Наташку-первоклашку, ставшая очень популярной:

Сегодня Наташка
Уже первоклашка,
Уже ученица она.
И знает об этом
Вся Родина наша.
И знает об этом
Вся наша страна...²⁰

Свекор прослезился, и пошел в черную «Волгу» за платком. Олег же уже привычно отсутствовал. Он вообще редко появлялся в семье. Нина давно смирилась.

После занятий свекор заехал за внуком, выдернул с работы Нину, и повез в ресторан «Одесса», где был заказан банкетный зал. Первое сентября надлежало отметить.

– Как у тебя с Олегом? – спросил свекор под вечер. Спиртное сделало свое дело. Товарищ Капонири закурил, что случалось редко и по большим праздникам.

– Никак, – без обиняков призналась Нина.

– Вот и я гляжу, что никак. – Он потрепал Нину по плечу, покосился на тещу внука, закашлявшегося от дыма, и ушел травиться на балкон. Проводив его задумчивым взглядом, Нина отметила, что со спины свекор выглядит стариком. Ничего подобного раньше не замечалось, а напротив, он хорохорился, рассчитывая, по-видимому, молодцеватым видом отпугнуть годы, которые, в любом случае, не обманешь. Нине захотелось впервые в жизни обнять его, потому что он и вправду сделал немало. Но, она сдержалась, не обняла.

* * *

В канун нового семьдесят третьего года в гости завалилась Алка. Подруги не виделись тысячу лет. Алка расплылась, добавив лишних килограммов тридцать, от чего выглядела готовой натурщицей для какого-нибудь современного Кустодиева.²¹

– Ну, ты и даешь... где столько сала нагуляла?

– В Гаване, – томно отозвалась Алка. – А что, разве плохо смотрится? Кубинцы, между прочим, без ума. Маленькие и худые предназначены для работы, а большие и красивые для любви. Лучше погляди, какой загар.

Нина согласилась, что загар ничего себе. Тропическое солнце и океан не купишь в солярии. Впрочем, Нинкина сослуживица Наталия, отдохавшая летом на даче, добила сопоставимых результатов.

– Ну, принимай гостей. – Алка шагнула в комнату, кольшась безразмерными телесами. Глядя на ее бюст, Нинка успела подумать о дрожжевом тесте, из которого пекут калачи. – Что ты топчешься в дверях, не проехать, не пройти? – Нина с улыбкой посторонилась. Вслед за Алкой в квартиру зашел ее муж Алик. Он тоже загорел, как негр, но, в отличие от жены, похудел.

– А где Олег?

– В командировке. – Нина неопределенно махнула рукой, и отправилась собирать на стол. На днях она отоварила в распределителе ЦК, так что холодильник был забит под завязку. На

²⁰ «Наташка – первоклашка», – общесоюзный гимн 1-го сентября, слова К.Ибряева, музыка Ю.Чичкова. Даже границы за 20-ть лет ничего не смогли изменить. По-прежнему звучит. Вот и хорошо

²¹ Русский художник конца 19-го, первой половины 20-го ст.

столе появились апельсины, доступные согражданам разве что в канун Нового года, да и то, если крупно повезет, настоящие португальские сардины, ведро исландской селедки, кусок ветчины и, наконец, бутылка хорошего грузинского вина. Алка так и ахнула:

– Опачки. А ты тут нормально пристроилась. И за границу ехать не требуется.

– Да, уж. Ладно, лучше давайте, рассказывайте, как там Куба?

После окончания Энергетического факультета Алик сделал успешную карьеру, в скором времени очутившись в Главке, из которого улетел на Кубу, помогать братскому кубинскому народу развивать социалистическую индустрию и, в частности, энергетику. Гавана встретила советских товарищей ослепительным солнцем на безоблачном небе, пенистым прибором и высотками фешенебельных отелей, возведенных, между прочим, империалистами.

– Кубинцы просто замечательные, – болтала за столом Алка. – Такие гостеприимные. И радушные. Все время улыбаются.

– Только работать не хотят, – вставил пять копеек Алик.

– Что есть, то есть. Им бы в теньке прохлаждаться, да на гитарах брэнчать. Зато на белых баб падки... На руках готовы носить. Одно слово, кабальеро... – добавила Алка, одарив супруга уничижающим взглядом.

– И воюют по всей Африке, – понизил голос Алик, когда они опрокинули по чарке. – В Анголе, Намибии, Родезии и, Бог знает, где еще. Как говорится, во имя мира и социализма.

Тише ты, – цыкнула Алка. – А, вообще, хорошо там, конечно. Как в сказке. А если бы наших не было...

– То есть? – не поняла Нина.

– То есть особый отдел. Следят, сама понимаешь, чтобы ЦРУ не завербовало.

– Это везде так. – Нина усмехнулась, вспомнив строчку Высоцкого:

Перед выездом в загранку
Заполняешь кучу бланков.
Это еще не беда.
Но в составе делегации,
С вами едет личность в штатском,
За – все – гда...

– Каждую субботу к особисту, – скорчив неподражаемую гримасу, сказала Алка. – И, сиди, пиши, кто что говорил, какие анекдоты рассказывал, или... В общем, что говорить, сама не девочка.

– И ты писала?

– А ты, как думаешь? Протест в ООН заявила.

Алик шмыгнул на кухню.

– Алик, небось, к сигарам в Гаване пристрастился? – сказала Нина, меняя неприятную и опасную тему. В НарХозе она была активисткой, комсоргом группы, а потом и членом бюро факультета. Там же ей предложили стать доверенным лицом КГБ. Это было обыкновенным делом. С улицы в КГБ не брали, зато Комитет пополнял ряды комсомольцами. Ряды были безразмерны, пополнение требовалось постоянно. Желающих тоже хватало.

– Что ты! Их курить невозможно, если в затяжку. Он на «Столичных» подвисает. Или на «Экспрессе», в худшем случае.

– Вообще-то, я к «ВК» привык, – подал голос из кухни Алик. – Их еще «Вечным кашлем» называют.

– Вечным кайфом, – поправила Алка.

– Или так.

– С такими ушами в органы сам Бог велел. Все, Алик. Иди кури. – Алка выставила супруга жестом. – Не видишь, мы с Нинкой о своем, о бабьем, говорим.

– Как у тебя с Олегом? – поинтересовалась Алка, когда Алик послушно прикрыл дверь. Нинка не стала ничего скрывать. Выложила все, как есть. Подруги, обнявшись, всплакнули. Алик, заглянувший, было, на кухню, снова ретировался.

– Ладно, – в конце концов вздохнула Нинка. – Мы ведь с тобой, тертые калачи. Детдомовские.

– А мы с тобой, брат, из пехоты! – подхватила Алка.

А летом лучше, чем зимой, – подпела Нина, растирая слезы по щекам. «Белорусский вокзал» произвел впечатление на обеих, песню про высокую цену Победы крутили по телевизору и радио постоянно.²²

– А кофе лучше чая, – пропел Алик, снова появляясь в амбразуре двери.

– Кому что по душе, – согласилась Нинка. – Тебе индийский или бразильский?

– Ого!

Гости засиделись допоздна, благо, идти домой было недалеко, центр Киева относительно компактен. Нина с Ростиком проживали на Свердлова, а Алик и Алла на Рейтарской, из чего вытекает, что извечные жилищные проблемы, стеснявшие граждан СССР с рождения Союза и до развала, никоим образом не касались верхушки, упорно с этими проблемами борющейся. Родители Алика переселились на Русановку, в новый дом с улучшенной планировкой, возведенный для героических тружеников Совмина, кузнецов наших нетленных побед.

* * *

В начале семьдесят четвертого Алик и Алла вздохнули чековые сбережения, появившиеся в итоге четырехлетнего проживания на Кубе, приобретя в инвалютном магазине новейший «Москвич-2043», белый как снег, с квадратными фарами и габаритами, в которых угадывались отголоски американского дизайнера пятнадцатилетней давности.

– Шик! – восхищалась Алка.

– Хотя я бы предпочел «Жигули». – Алик застенчиво улыбнулся. Приемистая лайба, спортивная. И половина деталей итальянские.

В апреле семьдесят четвертого года скоропостижно скончался Капонир-старший. Вскоре после похорон семья Олега и Нины окончательно развалилась. Впрочем, от нее давно оставалась жалкая оболочка, державшаяся на банальном страхе Олега перед отцом. Нина к такому обороту событий была готова, и не испытала ничего, кроме облегчения.

Олег убрался из дома, поселившись у какой-то женщины. Вслед за сыном из жизни Нины и Ростика ушла свекровь, их отношения тихо увяли, как теплолюбивый куст в октябре. Нина с Ростиком жили в достатке. Каждое лето ездили в отпуск по профсоюзным путевкам, правда, уже не в Пицунду, и не в Картахену. Ростик рос мальчиком примерным, учился на «хорошо» и «отлично», редко огорчая Нину Григорьевну. Правда, по-прежнему часто хворал, а все попытки Нины закалить его по разным методикам, как правило, заканчивались ОРЗ. Несколько раз Нина определяла сынишку в спортивные секции, благо, спортшколы процветали, и работали бесплатно. Ничего хорошего и из этой затеи не получилось. В плавательном бассейне Ростик мерз, непременно зарабатывая насморк, на катке упал, и схлопотал сотрясение, а после первого же занятия в группе Самбо при «Динамо», куда она устроила его через знакомых в ГУВД, с ним случился приступ аппендицита. Прыгая через коня в секции легкой

²² «Белорусский вокзал», (1970), драма режиссера А.Смирнова. В главных ролях снялись Евгений Леонов, Анатолий Папанов, Всеволод Сафонов, Алексей Глазырин, Нина Ургант. Композитор Альфред Шнитке.

атлетики, Ростик ушиб копчик и долго впоследствии лечился в клинике. После этого Нина плюнула – пускай будет, как будет. Спортсмена из Ростика не вышло.

Впрочем, у него бывали увлечения, обещающие, рано или поздно перерасти в страсть. В пятом классе Ростик подарил масштабную модель самолета. Склеивать было сложно. Обычно, первые шаги в подобных затеях ребятам помогают делать отцы. Ростик с отцом не повезло, зато моделирование буквально очаровало. Пластмассовые фрагменты постепенно складывались в эстетически безукоризненные модели, и это выглядело настоящим чудом. Правда, на пути к прекрасному он вскоре встретил две непреодолимые преграды. Хронически дефицитную коммунистическую экономику, без скрипа производившую разве что бомбы с патронами, и позицию Нины Григорьевны, оказавшуюся в данном случае решающей. Нина не переносила запаха клея, применявшегося в изготовлении моделей. В те времена дихлорэтан еще не нюхали, как наркотик, но он был точно так же вонюч. Нина вспомнила о болезненных легких и бронхах Ростика, и первая модель оказалась в его жизни последней.

Чтобы хоть как-то заполнить пустоту, Нина определила его на музыку. Не то, чтобы Ростик после учиненного произвола возненавидел скрипку. Просто замена была неполноценной, и главное, ее навязали силой. Ростик исправно посещал занятия, честно пилил струны смычком с упорством дауна, доводя преподавателя до инфаркта, а Нину Григорьевну до нервного тика. В общем, Паганини из него тоже не получилось.

* * *

В восемьдесят втором Ростик окончил школу, и настала пора сделать основополагающий шаг, частенько оказывающийся роковым. В какой из ВУЗов податься, Ростик понятия не имел. Что неудивительно, по большому счету. Тот, кто в семнадцать лет знает свое будущее, как расписание школьных занятий, либо безнадежный заучка, либо личность, которая впоследствии чего-то добьется. Ростик симпатизировал истории, главным образом Древнего мира, скопив об этом периоде весьма обширные, хоть и бессистемные знания. Самостоятельно и весьма искусно выполненные иллюстрации легионеров в полной боевой выкладке, катафрактариев²³ и египетских мамелюков украшали стены его комнаты так плотно, что почти полностью заслонили обои.

– Ну, сын, что делать будем? – для проформы поинтересовалась мать. Решение она уже приняла, и они оба об этом знали. Ростик пожал плечами.

– Мне история нравится...

– История, – презрительно фыркнула Нина. – Чтобы сейчас об Университете думать, надо было в школе не лоботрясничать. А с двумя тройками в аттестате...

Ростик в десятом классе действительно разболтался, а выпускные экзамены так и вовсе провалил, учитывая тот факт, что еще в девятом фигурировал среди претендентов на медаль. Виной тому послужила трогательная влюбленность, вызвавшая такую драконовскую реакцию матери, которая напоминала войну, с переходом на осадное положение.

– Хватит с меня твоего папаши! – вопила она на перепуганного до смерти Ростика. – С тем намучилась, а теперь ты начинаешь?!

Оглушенный невиданной вспышкой материнской ярости, Ростик молчал, как партизан на допросе. Упоминание об отце было ударом ниже пояса. После смерти деда Олег Капонир вылетел из спортивно-номенклатурного кресла и теперь промышлял неизвестно чем. До Нины

²³ Катафрактий (от греч. покрытый броней) – тяжелооруженный кавалерист. Впервые катафрактерии появились в Персии Ахеменидов (вторая половина V в. до Р.Х.). Широко использовались в армиях эллинистических владык Египта и Сирии, а также парфянами. Стали неприятным сюрпризом для римских легионеров

дошли слухи, что он якобы подрабатывает за городом в лесхозе. Еще поговаривали, что он умер прошлым летом. Ростик об этом тоже слышал.

Именно с той поры между матерью и сыном пролегла трещина, хоть предпосылки копилась давно. Ростик сдал в учебе, и получил аттестат, ее пониманию позорный.

«С таким в университет переться, тысячу пять возьми да положи, – со злостью думала Нина, поглядывая на сына, выводившего авторучкой бессмысленные загогулины в тетрадке. – У меня таких денег нет. А и были бы, ну какая в СССР история? У сына одни гладиаторы в голове, а там съезды и партконференции. Значит, выпрут, и в армию. А армия, это Афганистан». Афганская тема выступала тогда в роли страшилки для всех матерей, вырастивших сыновей призывного возраста. Было чего бояться.

– Ну, и кем ты оттуда выйдешь? – поинтересовалась Нина, имея в виду диплом историка.

– Археологом, хотя бы, – промямлил Ростик.

– Зубными щетками в пыли копать. – Нина покачала головой. – За сто десять «рэ» в месяц. Это в лучшем случае. Или учителем в школу! Вот здорово будет!

Ростик потупился.

В общем, она сделала выбор, и огласила его, как приговор. Ростислав отправился в НарХоз, где и знакомые из приемной комиссии страховали, и с будущим распределением была полная ясность. Все эти годы Нина медленно, но уверенно карабкалась по служебной лестнице, достигнув не последнего поста в Сдербанке. Сыну она прочила то же самое, прагматичную службу финансиста.

Ростик, как всегда, смирился. Три года он, скрипя зубами, грыз точные науки в НарХозе, который про себя обзывал наркозом. Приходя с работы, Нина, как правило, обнаруживала сына с какой-нибудь исторической книжкой в руках.

– Ну, как дела, сын? – спрашивала она, по обыкновению влетая в квартиру наподобие тропического урагана.

– Нормально, – лаконично отвечал Ростик.

Нина перегружала продукты из сумок в холодильник и становилась к плите готовить. Через час Ростик ковырял вилкой в тарелке.

– Что нового в институте, сын? – наседала Нина. Ответы были стандартны: нормально, нормально, нормально.

– Что ребята не заходят?

– Да так, как-то... – уклончиво отвечал Ростик, который не забыл школьной любви и последовавших затем репрессий. – Занимаются ребята. Не до посиделок.

Нина чувствовала, что сын замкнулся в себе, отгородившись неким невидимым но крепким барьером. Попытки прорваться потерпели провал. Очевидно, время прорывов истекло. Нина подумывала его подкупить, если подобный глагол, конечно уместен. К слову сказать, она никогда не сэкономила на сыне. Но Ростик остался неумолим.

– Я тебе новую куртку достала. Погляди. Настоящая «Аляска».

– Угу, мама. Спасибо...

* * *

В восемьдесят шестом Нина совершенно случайно узнала, что у Ростика появилась женщина. Гром грянул, что называется, среди ясного неба. Но, чем неожиданнее бабахнуло, тем решительнее реагировала она. Когда же стало известно, что потаскуха, к тому же, замужем, бешенство Нины не имело границ. *«Только мерзавка спровадила мужа, как давай хвостом вилять?! А этот лопух возьми, и попадись. Эго же любая окрутит! Дрянь бесстыжая! Но и он тоже хорош. Яблоко от яблони...»*, – Нина сорвалась с работы, мечтая только о том, чтобы

застать сына дома, а застав, вцепилась в него, как фокстерьер в лисий хвост. Ростик, на свою беду, как раз вернулся с занятий, и угодил в самое пекло.

– Ты хоть понимаешь, во что вляпался?! Крест на себе поставить решил?! Вы посмотрите на него, его облапошили, а он рад, как дурак!

Результат предпринятой кавалерийской атаки сказался без промедления. Сын молча собрал вещи и ушел из дома. Нина была так ошеломлена, что даже не попробовала его удержать. Напротив, даже вопила в спину, чтобы выметался к чертовой матери. Он и выкатился, аккуратно притворив дверь. Нина осталась одна.

Вытерпев контрольные несколько дней, в продолжении которых Ростик не объявился, Нина заявила в общежитие, собираясь учинить грандиозный скандал. Ростика она не застала, зато распутница оказалась на месте. Нина шагнула через порог, опустив голову, словно бык на корриде, а противоестественно высокая девица в спортивных штанах и майке отступила в кухню, освобождая будущей свекрови дорогу.

«Ну и каланча, – подумала Нина. – Да она моего Ростика на три головы выше! – Геометрические размеры не сбросишь со счетов. Гнев Нины Григорьевны не спал, но потек в несколько ином русле, заставив импровизировать на ходу. – Если до рук дойдет, – прикидывала она, – плохие мои дела».

Впрочем, не та она была женщина, чтобы остановиться при виде преграды. Еще ниже опустив голову – «Сейчас бодаться начнет», – с ужасом предположила Ольга, Нина перешла в наступление, в вызывающих выражениях осведомившись, как это так у некоторых получается: не успел муж в армию загудеть, как совсем невинные мальчишки, из порядочных, между прочим, семей, сманиваются, втягиваются и растлеваются. Язык от ярости заплетался, но Нина высказала, что хотела, то есть гораздо больше, чем следовало говорить. Дылда (именно этим словом Нина окрестила развратницу) спокойно отвечала, что так случается, ничего не попишешь. Мужа она разлюбила, а Ростислава не держит, это его выбор. «Хотя, – добавила дылда, зардевшись, как рябина в сентябре, – Ваш сын мне очень нравится». Нина Григорьевна задохнулась.

– И как себе ЭТО представляешь? – спросила она дрожащим голосом. Дылда как ни в чем не бывало заявила, что Ростик сделал ей предложение, а Валерий, мол, даст развод. Как поняла Нина Григорьевна, Валерием звали обманутого супруга.

– Дайте нам попробовать, – попросила дылда без тени агрессии. – Мы любим друг друга. Что надо еще?

Нина покинула общежитие в смятении, успев мимоходом подметить, что квартирка чисто прибрана, а из кухни тянет будоражащим ноздри запахом приготавливаемого на плите борща. «Или голубцов», – заключила она, подумав, что дылда хотя бы не неряха. Нина миновала холл, и в рассеянности побрела вдоль аллеи. Она не прошла и тридцати метров, как нос к носу столкнулась с Ростиком.

– Здравствуй, мама, – тихо проговорил сын. Нина вздрогнула, как от удара, и от неожиданности широко открыла глаза. Вот так, только вчера жили под одной крышей, деля радости и невзгоды (так, по крайней полагала она), а теперь встретились, словно двое прохожих.

– У нас была? – Ростик смотрел настороженно.

Нина Григорьевна кивнула.

– Зачем?

– Познакомиться хотела, – мрачно сказала Нина, здорово огорченная этим «у нас».

– Познакомились? – даже не с тревогой, а скорее с усталостью спросил Ростик, и погасшая, было, ярость вспыхнула с новой силой. Щеки, по обыкновению, пошли пятнами. Нина глотнула побольше воздуха, собираясь выложить Ростиславу все: помянуть его непутевого бессовестного отца, породившего не менее бестолкового сына, покупающего на первую же встречную юбку. Досталось бы, естественно, и Ольге, но Ростик взял ее под руку и сказал тихо, но твердо:

– Не говори ничего такого, о чем потом придется жалеть.

– Какого такого? – она опешила:

– Ты сама знаешь.

Нина отступила на шаг:

– На что же вы жить собираетесь? – спросила она уже без вызова, не то, чтобы капитулировав, а скорее, поменяв тактику.

– На стипендии...

Нина поджала губы.

– ...и, я буду подрабатывать.

– Интересно, кем?

– Грузчиком на овощной базе. Там за тонну до рубля платят.

– Грузчиком?! С твоим-то здоровьем?!

– Мама, прекрати.

– Что прекрати?! – взвилась Нина, но сразу осеклась. – *«И что мне прикажете предпринять? Кормить его дурацкую семью, которая развалится не сегодня, так завтра? Это какое-то безумие!»*

– Я справлюсь, – обнадежил Ростик.

«Если надумаешь эту блажь поддерживать, так уж будь последовательной – посели их в своей квартире. Тем более, что она, между прочим, и его».

«Вот! – вспыхнуло у нее. – Дура я дура! Сразу не сообразила! Каланча чертова к прописке подбирается. Нашла тютю с квартирой на Прорезной, и вперед! Ну уж нет, дудки. Только через мой труп». – Решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

– Ну, я пойду? – спросил Ростик, выведя Нину Григорьевну из задумчивости и больно ранив в самое сердце. Она стиснула зубы.

– Тогда, пока?

Глядя, как сын уходит, она запаниковала, *как же остановить*, и выкрикнула совсем неподходящее:

– А как ты в глаза ее мужу посмотришь, когда он из армии воротится?

Ростик прибавил шагу. Очевидно, у него не было ответа. Или он не хотел продолжать.

– Он тебя прибьет! – крикнула напоследок Нина.

Ростик так и не оглянулся. Дождавшись, чтобы он скрылся в дверях, Нина поплелась восвояси.

«И месяца вместе не проживут», – как заклинание твердила она, и, пока добиралась домой, почти успокоилась.

Надежды Нины на скорое возвращение сына не оправдались. Как и расчеты Ростика на мирный диалог с обманутым супругом, который возжелал сатисфакции. Противопоставить ему оставалось только мужество. Силы были несопоставимы. По рассказам Ольги Ростик знал, что бывший муж здоровяк, каких мало. Только одно дело услышать, второе увидеть, и, наконец, третье, почувствовать на шкуре. Не успел Ростик подумать *«Ой-ой-ой»*, как уже летел в окно, которое вывалил вместе с рамой. Дальнейшее хорошо известно. Ольгу выставили из общежития, Протасова посадили на нары. Прилетев к сыну в больницу, Нина грешным делом подумала, что с тандемом Ростик-Дылда покончено раз и навсегда. Но, не тут-то было. Изгнанные из общежития, словно Адам и Ева из рая, они сняли квартиру на окраине. Ростик изредка навещал мать. Ольга не появилась ни разу. В конце четвертого курса Ростик объявил Нине, что они расписались.

– Что сделали? – поперхнулась Нина.

– Расписались.

– И ты мне даже не сказал?!

– Вот теперь говорю. – Ростик не думал оправдываться. – Мы никому не сообщали. Как только Оля получила развод, поехали в ЗАГС и зарегистрировали брак. Канцелярская процедура, не более.

– Маме бы мог все же сказать, – упрекнула Нина, чувствуя, что свадьбу сына у нее украли. Впрочем, она толком не знала, огорчаться ли по этому поводу. С тех самых пор, как Олег Капонир оставил семью, в мозгу Нины поселилась унылая и навязчивая мысль: теперь она вечно одна, как та медведица из мюзикла Добрынина. Сыну и за папу, и за маму. С годами тоскливое ощущение семейного дисбаланса несколько притупилось, но не исчезло, как протекающая хронически болезнь. Будь то родительское собрание, или районная больница в Скадовске, куда сынишку привезли из пионерлагеря, выпускной школьный бал или томление под аудиторным корпусом, в толпе родителей абитуриентов, Нина всюду была одна. Опекая Ростика вследствие этого сверх меры, балуя и довлея одновременно, Нина Григорьевна еще острее чувствовала одиночество, болезненно морщилась при виде других ребят, у которых отцы, как отцы (они, ребята, видимо лучше моего), комплексовала по этому поводу и щедро передавала комплексы сыну. Как и всякая любящая и заботливая мать, Нина частенько задумывалась о том, какова она будет, избранница сына, мечтала о замечательно вежливой, трогательной принцессе, которой с радостью станет матерью. Но, каждый раз размышляя о свадьбе, Нина не забывала о дисбалансе: родители невесты, будьте добры – туда, родители жениха, простите, мама, прошу, сюда.

– Значит, ты теперь женат!

– Женат, мама.

«Ох, и зачем ты себе на шею ярмо так рано повесил?» — захотелось возопить Нине Григорьевне, но она благоразумно смолчала.

– И... – Ростик в задумчивости потербил нос. – Я хотел тебе сказать... у нас с Олей будет ребенок.

Нина вытаращила глаза.

– Тебя, похоже, удивляют мои способности? – осведомился Ростик, давая понять Нине, что ее реакция не осталась незамеченной.

– Какой месяц? – выдохнула госпожа Капонир.

– Насчет аборта интересуешься?

– Ты слишком молод.

Ростик кивнул. Иного он от нее не ждал.

Переварив в течение нескольких дней перспективу нежданно-негаданно сделаться бабушкой, Нина купила на базаре творог, кусок вырезки и неподъемный пакет фруктов. В те времена питаться с базара означало крепко стоять на ногах. Супермаркеты еще не родились, а партийных распределителей не хватало даже на избранных. К тому же, они скудели на глазах, по мере ветшания самого Союза. И так, отоварившись на круглую сумму, Нина отправилась к детям, впервые за долгие годы. Ростик и Ольга встретили ее настороженно, но без злобы. Нина обнаружила скромный быт, и, в то же время образцовый порядок. Округлившийся животик Ольги тянул месяца на четыре, то есть процесс приобрел неотвратимый характер. Нина на ходу приняла решение, что обидные клички типа Дылды или Каланчи отныне предаются забвению. По своему обыкновению, она немедленно приступила к делу, дав понять, что в свете изменившихся обстоятельств Холодная война окончена.

– Значит так, дети, – безапелляционно заявила Нина, – будущему ребенку требуются витамины?

Ольга и Ростик переглянулись, вопрос казался риторическим.

– Есть у вас на это средства?

Ростик было заикнулся, что кое-что кое-где...

– Будешь мне рассказывать, – фыркнула она, и пошла загибать пальцы: – молоко требуется, творог для костей. А откуда взять? И зря ты, Ольга, ухмыляешься. Будешь пренебрегать

кальцием, после родов все зубы вывалются. – Для убедительности Нина пошамкала ртом, точно как столетняя бабуленица. Вышло так комично, что Ольга и Ростик прыснули. Нина и сама расплылась в улыбке. Напряжение пошло на спад.

– Ты когда у гинеколога была? – развивала успех Нина Григорьевна.

– Недели три назад. – Ольга неопределенно повела рукой, мол, а какой толк к ним частить.

– Тоже мне, – возмутилась Нина Григорьевна. – Раз в неделю надо, как минимум. Что тут за поликлиника?

– Хорошая поликлиника, – начала Ольга.

– Да уж, хорошая, – Нина Григорьевна вскочила с места. – Рожать в пригороде собралась?! Ты вообще, где прописана?

Ольга пожала плечами. Это был хороший вопрос.

– Хочешь, чтобы в роддом для инфекционных завезли? Ростик?! А ты куда смотришь?! Что за инфантилизм, а?! В общем так, – ее тон стал безапелляционным, – Рожать будешь в Октябрьской больнице. Я уже договорилась. И без разговоров! – напряглась она, заметив, что Ростик открыл рот. – Завтра же съездим к гинекологу. Пускай посмотрит.

– Утром пришло за вами машину. – Продолжала Нина, игнорируя порывающегося вставить пять копеек сына. – Перебираетесь ко мне. У тебя, Ростислав, есть дом, значит, у Ольги тоже.

Оля и Ростик переглянулись. Они не строили радужных иллюзий. Жизнь под крылом деспотичной свекрови напоминала известный политический анекдот советской поры про различия между экскурсией и ПМЖ, касающиеся не только социалистического лагеря. Но, Нина не желала слышать возражений, и они позволили себя уговорить. В конце концов, в жизни молодой четы наступил такой момент, когда любая поддержка не лишняя. В первых числах апреля 1986 года Ольга и Ростик перебрались в центр. Двадцать пятого числа Ольга оформила декретный отпуск, а в ночь на двадцать шестое разразилась Чернобыльская катастрофа.

Поздно ночью случилось ЧП.
Как потом мы узнали из прессы,
Персонал сплоховал и т. п.
И сразило рентгеном Полесье.

Не растут на могилах цветы,
У героев, но это не важно,
Окропит их потоком туфты,
Иногда телевизор продажный...²⁴

Впрочем, ни в ту роковую ночь, ни на следующий день народ ничего не услышал об аварии. Вскормленные КПСС и КГБ масс-медиа молчали, как рыбы. Только-только зародившаяся стараниями Горбачева Гласность захлопнула рот по его же приказу. Другого не стоило ждать. Коммунистический режим держался исключительно на промытых мозгах и абсолютном отсутствии совести, если говорить об общечеловеческом ее понимании. Не совсем ясно, каким смыслом наделял Гласность Михаил Сергеевич, но есть все основания полагать, что случись миру сложиться по сценарию Джорджа Оруэлла, исчезни навеки Западный мир, как бредилось некогда Ленину со Сталиным, и мы бы до сих пор жили в неведении. Удавалось же коммунистам замалчивать не менее масштабные преступления, будь то испытания ядерного оружия на солдатах или исчезновение Аральского моря. Любое злодейство сходило с рук, пока

²⁴ Стихи Ярослава Зуева

не выплывало на поверхность. Сошло бы и это. Не даром коммунистический лидер Украины Щербицкий с помпой провел очередной первомайский карнавал под мелким радиоактивным дождем. Мог бы, казалось, и плюнуть, хлопнуть дверью, да уйти на пенсию, благо, Горбачев бы его не расстрелял. Но, не из того теста система лепила своих героев. Он не плюнул, не хлопнул, и не ушел, а отбыл номер, и бровью не поведя. На наше счастье первое радиоактивное облако ветры унесли в старушку Европу. Там немедленно забили тревогу.

– Ростик, включи программу «Время», – попросила Нина Григорьевна. Было без пары минут 21:00 и стоял мягкий теплый вечер, какие не редкость во второй половине весны. Нина собиралась посмотреть для проформы новости. Уже и дураку было ясно, что в кривом зеркале правды не разглядеть. На работе циркулировали слухи, один мрачнее другого, а официальные источники информации онемели. Именно это обстоятельство настораживало особенно сильно. Нина Григорьевна сделала пару звонков знакомым начальникам, но их ответы звучали на редкость уклончиво. Это Нине совсем не нравилось, принимая во внимание тот факт, что детей партноменклатуры в срочном порядке вывозили из города. У коммунистов особенное восприятие долга, но, они хотя бы любят своих домашних. В определенном роде это внушает надежды, впрочем, не особенно сильные.

Ростик послушно щелкнул тумблером и плюхнулся перед экраном в кресло. После зрелища известного всей стране циферблата зазвучала набившая оскомину мелодия. Программа новостей вышла в эфир и сладкая парочка дикторов, женщина с лицом мужчины и мужчина с бровями домиком (брови домиком, обязательный атрибут дикторов ЦТ тех лет, вернувшийся в мутировавшем виде стараниями товарища Путина) пошли распинаться о свершениях советского народа под мудрым руководством компартии, и прочее, по длинному списку. А потом прозвучало то, чего Нина Григорьевна опасалась больше всего. Лица дикторов стали скорбно-патриотичными, и они заговорили об аварии на ЧАЭС. Точнее, даже не об аварии, а о мелком ЧП, которое враги Мира и Социализма пытаются раздуть в очередную антисоветскую истерию. На экране появился рисунок из какого-то западного журнала, тут же обозванный дикторами провокацией. Центр композиции занимал зловещего вида череп, мастерски изображенный на фоне силуэта градирен и реакторного цеха, с вырывающимися из-под крыши клубами угольно-черного дыма. Когда дикторы дошли до слухов о тысячах погибших, распускаемых вражескими голосами, Нина Григорьевна схватилась за голову. Любой мало-мальски грамотный совок умел читать между строк, расшифровывая коммунистический новояз таким образом, чтобы отделить зерна от плевел.

Пока дикторы бессовестно лгали (эта ложь именовалась гражданской позицией) чудовищное зеленое свечение через сорванную крышу реактора упиралось в облака, герои-пожарные умирали от лейкемии, а вертолетчики сбрасывали в атомный зев песок. Ничего более мудрого московские академики не выдумали. Возможно, другого рецепта не существовало.

– А у нас в институте говорят, будто в Припяти атомный взрыв бабахнул, – беспечно сказал Ростик, оторвавшись, наконец, от телевизора. На экране картинку самой страшной техногенной катастрофы, какая только случалась в истории, сменил международный блок новостей, рассказывающий, с каким оптимизмом передовое человечество воспринимает нашу Перестройку.

– Какой взрыв? – в комнату заглянула испуганная Ольга.

– Только странно, как это мы его не услышали? – беззаботно добавил Ростик. До него еще не дошел весь смысл ужасной трагедии, которой теперь аукаться снова и снова, на нашей земле замогильным эхом, отыскивая жертвы в каждом последующем поколении.

– Ты мне прекрати Ольгу запугивать, – одернула сына Нина Григорьевна. – И вообще, хватит языком молоть.

– Ты, прямо наш райком комсомола, – с восхищением сказал Ростик.

– Причем тут комсомол? – не поняла Ольга, в свою очередь усаживаясь на диван.

– Они нас сегодня на факультете собрали, и предупредили, насчет провокационных слухов.

– Так и не распускай, – посоветовала Нина Григорьевна, после чего тот, обиженно фыркнув, отправился на кухню ловить «Голос Америки». Нина проводила исполненным сомнений взглядом кухонного бунтаря, отчего-то припомнив Новочеркасск. Новочеркасск всегда был где-то неподалеку.

– Как вы думаете, это серьезно? – спросила Ольга. Беременные выглядят особенно беззащитно, и Ольга не была исключением, вопреки своим без малого двум метрам роста, крепким рукам и спортивной закалке.

– Не знаю, – вздохнула Нина, предпочитавшая поменьше болтать, и побольше делать. По ее мнению существовало два приемлемых пути. Первый, который подсказывало все существо, состоял в том, чтобы немедленно бежать из города. Затолкнуть детей в вагон и отправить, куда подальше. Только вот куда?

За те несколько месяцев, что Ольга и Ростислав прожили под кровом Нины Григорьевны, она не упустила случая поговорить с невесткой о родителях. Есть ли они вообще. Ольга тогда вначале напряглась, но Нине, поведав историю собственного детства в детдоме, удалось перевести беседу в доверительное русло. За откровенность Нина была вознаграждена рассказом о двух алкоголиках, коротающих остаток жизни в полуподвале на окраине Днепродзержинска.

– И ты с ними не контактируешь?

– Не с кем контактировать. – Глаза Ольги увлажнились. – До второго курса я ездила домой, пару раз, и, знаете, Нина Григорьевна, зареклась. Отец днями не просыхал, мать ему под стать. Я пробовала им помочь, но, по-моему, это невозможно. Они... невменяемые. Тогда я предпочла разорвать отношения. Это было легче, чем наблюдать, как они... – Ольга замешкалась, а потом добавила шепотом, – наблюдать их конец.

В тот вечер Нина решила повременить с распросами и, обняв невестку, дала ей выплакаться. Да и сама смахнула слезу.

Так что Днепродзержинск в качестве убежища отпадал. Ситуация усугублялась тем, что Ольга не просто была на сносях, а готовилась вот-вот родить. В таком положении колесить по свету было чрезвычайно опасно. Тем более, в компании тюти Ростика, от которого толку как от козла молока. Промучившись с полчаса, Нина взялась за старые телефонные блокноты. А, поколдовав над ними, отправилась к телефону. Ольга вышла на кухню к мужу. Тот сидел за столом и чертыхался, вращая ручку настройки приемника. Из динамиков летел характерный для коротковолнового диапазона треск, перемежаемый обрывками фраз.

– Они говорят, будто на станции крышку реактора снесло, – пересказал услышанную из-за океана информацию Ростик. – Представляешь? Вроде, первое облако улетело в Скандинавию, и у них там дозиметры зашкалило. В Припяти есть жертвы, а уровень радиации много выше нормы. Их глушат постоянно, – добавил Ростик, возвращаясь к ручке. – О! Опять началось. – Голос диктора потонул в вихре помех. Через мгновение из динамиков доносилось только мощное и ритмичное «бу-бу-бу». – Заглушили, – резюмировал Ростик. – Это НАШИ стараются. Ничего. Сейчас перенастроимся.

– Обожди, – попросила Нина Григорьевна. – Значит так, ребята. Я, насчет вас, договорилась. Завтра вы с Ольгой выезжаете в Ужгород. Там у меня старинные знакомые. Рожать, Оля, будешь в Закарпатье.

– Меня из института попрут, – попробовал возразить Ростик.

– Забудь, – отмахнулась Нина. – Я с деканом поговорю.

* * *

Вечером следующего дня они втроем отправились на вокзал. Представившаяся картина, едва они подкатили к главному входу на такси, поражала воображение, словно материализация апокалипсиса. Вокзал напоминал растревоженный улей. Нина подумала о хаосе сорок первого года, хотя ее память базировалась на подсознательном уровне. В живую она, конечно, ничего не помнила. Люди штурмовали вагоны, давка на перронах была невероятная. В воздухе стоял многоголосый рев. Детей просовывали через окна. Толпа раскачивалась, как прилив. Ольге сделалось дурно.

– Ой, Нина Григорьевна, – выдохнула она. – Ой...

– Ростик, а ну, держи ее! – крикнула Нина, сразу оценившая ситуацию.

– Ой, мамочки!

– Товарищ милиционер! – завопила Нина, заметив неподалеку серую фуражку с красным околышем. – Товарищ милиционер?! Сюда!

Карета скорой доставила Ольгу в дежурную больницу. Нина втиснулась в скорую, растерянный Ростик остался у вокзала. Как только Ольгу переправили в приемное отделение, Нина ринулась искать главврача.

Двенадцатого мая 1986-го года Ольга Капонир родила мальчика. Роды прошли успешно. За роженицей и младенцем приглядывали на совесть. Через неделю Нина Григорьевна взяла служебную банковскую «Волгу», и забрала Ольгу с малюткой домой. В квартире их поджидала звенящая чистота. Накануне Нина, мобилизовав Ростика, выдраила полы хлоркой, перестирала занавески и покрывала, а с пылью расправилась при помощи пылесоса. Все окна и форточки были задраены наглухо, как люки на боевом корабле перед боем.

– Ух ты, – пробормотала Ольга, которую после свежести улицы прошиб пот. – Душно-то как.

– Ничего не поделаешь, – Нина Григорьевна не теряла бодрости. – Но, во-первых, милая моя, младенцу сквозняки ни к чему. А, во-вторых, свежий воздух теперь во вред. Такое дело, Чернобыль.

– По радио советуют окна держать закрытыми. – Поддакнул Ростик.

– А дышать чем?

– Лучше ничем, чем ураном-238. – Отрезала Нина. – Воду мы сначала фильтруем, а потом дважды кипятим.

В бездонном голубом небе не было ни облачка. Солнце блистало ослепительно.

– Говорят, облака зенитными батареями расстреливают, – поделилась городскими слухами Нина Григорьевна. – Чтоб, не дай Бог, радиоактивный дождь не выпал. Улицы моют постоянно. Я столько поливальных машин за всю жизнь не видела.

– Говорят, прямо в реактор вертолет упал, – добавил Ростик. – Бросал мешки с песком, и, то ли двигатели отказали, то ли еще что.

– На-ка, выпей, – Нина подала рюмку темно-коричневой жидкости.

– Что это?

– Йод. Надо принимать.

Ольга отхлебнула, поморщившись:

– Фу, гадость!

Гадость – не гадость, а не помешает, – нравоучительно сказала Нина Григорьевна. – Сам профессор Гейл²⁵ рекомендовал.

²⁵ Доктор Роберт Питер Гейл (настоящая фамилия Галинский, предки из Белоруссии), американский врач, председатель Международной организации пересадок костного мозга, профессор медицины и глава Центра пересадок костного мозга при

Такого шила, какое родилось в Чернобыле, не утаишь даже в коммунистическом мешке. Аварию на ЧАЭС довелось признать, в страну допустили заморских медиков, а из зоны бедствия эвакуировали жителей. Впрочем, границы ее оказались нестабильными. Радиоактивную воду не остановишь ни шлагбаумами, ни постами ДПС. Центральный общесоюзный телеканал продемонстрировал список погибших, «Первыми вступивших в огонь». Список возглавляли фамилии героев-пожарных, обуздавших в ту роковую ночь рвущееся на волю атомное чудовище.

А навстречу, брандспойты в руках,
Наступая по жидкому шлаку,
Не в скафандрах, в простых ОЗК,
Шла пожарная рота в атаку.

ТВЭЛы сплывались мигом, что им?
Смена сделать успела, что надо,
Чтоб десяток-другой Хиросим,
Не разросся из этого ада.²⁶

Мало кому тогда приходило в голову, что расчеты Кибенка и Правика лишь открыли бесконечный список жертв катастрофы, конца которому в обозримом будущем не предвидится.

Тридцатикилометровая зона вокруг рукотворного апокалипсиса была официально объявлена районом бедствия. Сотни мобилизованных для эвакуации автобусов потянулись в обреченные города, очутившиеся на гиблой земле. В них пускали только с ручной кладью, да и с той порой доводилось расставаться, на постах дозиметрического контроля зараженные вещи неумолимо изымались. Хуже бывало, когда счетчики Гейгера принимались яростно трещать у одежды или голов беженцев. На подступах к Киеву были развернуты фильтрационные пункты, где следующие из Припяти машины и их пассажиры проходили дезактивацию. Автобусы тщательно мыли, беженцами занимались медики.

– Хорошенькие дела, – сказал в те дни матери Ростик. – Я тут Витьку недавно встретил.

– Какого Витьку?

– Романова, из моего класса. Помнишь его?

Витя Романов был одноклассником Ростика, после школы, с первой попытки поступившим в медицинский институт.

– Это у которого родители врачи? Помню, конечно. А что с ним?

Его в Иванков²⁷ отправляют. Беженцам помогать. Так он мне по секрету сказал, что им велели закрывать глаза на симптомы лучевой болезни, и всем, кому можно, лепить ОРЗ.

– Кто велел? – подавилась Нина Григорьевна.

– Почем мне знать? Он не сказал. С них, вроде, и подписочку о неразглашении взяли.

– Если он дал подписку, то чего языком как помелом метет?! – разозлилась Нина Григорьевна.

Ростик пожал плечами:

– Не веришь?

Нина побледнела, снова вспомнив Новочеркасск. Шум толпы, и солдат, перекрывших улицы мирного города. В Новочеркасске не было ни империалистов, ни фашистов, так что

Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В апреле 1986 предложил и организовал медицинскую помощь пострадавшим от аварии на ЧАЭС. Помощь оказывалась при содействии американского мультимиллионера Арманда Хаммера

²⁶ Стихи Ярослава Зуева

²⁷ Районный центр Киевской области

свалить вину оказалось не на кого. Все сделали так называемые НАШИ, которые, как правило, страшнее чужих.

– Что с тобой, мама? – Ростик взял ее под руку. – Ты – как призрак увидела.

Нина Григорьевна замотала головой:

– Ничего. Болтай поменьше.

Едва крохотному Богдасику (бабушка настаивала на имени Григорий, но оба родителя решительно воспротивились, и она сдалась, затаив обиду) исполнилось два месяца, Нина отправила его в Ужгород, естественно, с мамой и папой.

– Хотя бы до сентября поживете, – говорила она с перрона. Ростик и Ольга махали из купе. – В Закарпатье и воздух чистый, и продукты безопасные.

В Киеве они замучились сомнениями, что съесть, а чего, пожалуй, не стоит. Это был вопрос из вопросов. Лето – пора овощей и фруктов, ударная страда для любителей домашней консервации и время набирать запасы витаминов на зиму. Лето 86-го года стало исключением из правила, потому что вопрос есть или не есть тот или иной продукт, пить пять раз кипяченую воду, а если нет, то где разжиться другой, приобрел осязаемый гамлетовский привкус: быть или не быть.

Помимо проблем с продуктами город будоражили слухи о поразительно дешевых бытовых ценностях, добытых мародерами в Припяти для перепродажи на черном рынке. Поговаривали о кем-то купленном шикарном паласе, после повешения которого на стену у жильцов квартиры махом вылезли волосы. Милицейские патрули стреляли мародеров на месте, но репрессии не меняли картину. Смертоносная контрабанда шла. Личный шофер Нины Григорьевны поведал историю о пригнанной в гараж новой «шестерке», по приближении к которой счетчики Гейгера затрещали, будто сучья в костре. Машину погнали дальше. В места, где дозиметр не стал непременным атрибутом туалета.

В первых числах сентября Ростик, Ольга и Богдасик вернулись домой. Страсти вокруг трагедии на атомной станции понемногу улеглись. Не потому, что она стала безопаснее, или вырвавшаяся на свободу радиация растеряла смертоносную силу. Просто миллионы людей не в состоянии долгие месяцы жить в непрерывном напряжении, словно узники камеры смертников. Народ мало-помалу успокоился, и каждый надеялся, что его пронесет. Не в каждый же окоп попадает по снаряду. Тем более, что облажавшаяся в тысячу первый раз власть сделала все возможное, чтобы засекретить последствия катастрофы. Люди мрут, как мухи, а отчего, пойдя разберись.

Осенью 86-го среди полесских болот выросла уродливая громада саркофага, и лучшего памятника семидесятилетнему произволу при всем желании невозможно придумать. Плохо, что доступ ограничен, саркофаг в самом центре закрытой зоны.

* * *

В 88-м году Ростик окончил институт. Диплом о высшем экономическом образовании открывал путь на финансовое поприще. Беда заключалась в том, что на финансы ему было плевать. Ему по-прежнему нравилась история, обреченная быть домашним хобби. До Ростика в полной мере дошло, что значит расплачиваться за неправильный выбор, который к тому же делал не он. Если в институте о буднях бухгалтера он старался вообще не думать (институт – это учеба, то есть, в конце концов, явление временное), то с работой дело обстояло по-другому. Благодаря протекции матери он распределился в планово-финансовый отдел столичного строительно-монтажного треста, и зашагал туда ежедневно с энтузиазмом каторжника, отбывающего наказание в каменоломнях.

– Ох, не могу я! Тошнит меня! – жаловался он жене.

– Ну, зайчик, потерпи. – Уговаривала Ольга.

– Сколько терпеть?! Сорок лет до пенсии?!

– Я тебе нарукавники пошила, – не в лучший момент ляпнула Ольга, не хотевшая ничего плохого.

– Что пошила? – зловещим голосом уточнил Ростик.

– Наруканники... – промямлила она. – А то... понимаешь, рукава... лоснятся. Я их отстирать не могу.

– Да чтоб они сгорели вместе с тобой, эти проклятые нарукавники! – завопил Ростик. Ольга в ужасе отшатнулась.

У Нины Григорьевны в тот вечер раскалывалась голова, а «пятирчатка» не приносила облегчения.

– Ты что вопишь? – возмутилась Нина. Она морщилась и держалась за виски. Ростик ее состояние проигнорировал.

– Заткни уши ватой!

Разразился чудовищный скандал, в ходе которого стороны не скупались на эпитеты. Ольга пыталась умиротворить ссорящихся, и ей перепало и от Ростика, и от Нины.

– Это я на шею сажу и пальцем о палец не ударяю?! А готовит вам дядя?! Желудки моим борщом набиты, и вы еще смеете куском хлеба попрекать?! И намного я вас объела?!

Конец сваре положил Богдасик. Перепуганный истошными воплями взрослых, он разразился громким плачем. После ссоры участники чувствовали себя опустошенными, и не подымали друг на друга глаз. На следующий день Ольга занялась сбором документов для яслей.

– Куда ты, интересно, собралась? – хмурясь, спросила Нина Григорьевна. Осадок вчерашнего скандала отравил весь день, и она готовилась идти на попятную. Ольга ничего не ответила. Обида по-прежнему клочкотала в ней, тем более сильная, что Ольга остро ощущала беспомощность, делавшую ее позицию непримиримой.

– Давай забудем, – предложила Нина.

– Извините, Нина Григорьевна, – дрожащим голосом отвечала невестка. – Вы для нас с Богдасиком много сделали, и я вам искренне благодарна за все. Но, терпеть ваши упреки в куске хлеба... простите, если что не так. – Ольга ушла в комнату. Ростик тенью шмыгнул за ней.

«Пошел вымалывать прощение. Понимаете ли? Слова сказать нельзя! И этот хорощ, кашу заварил, а я теперь во всем виновата».

В рекордные сроки пристроив Богдасика в ясли, Ольга пошла в спортклуб «Буревестник». Деньги тренерам платили не ахти какие, но, все же лучше, чем ничего, и Ольга почувствовала себя увереннее. Она засиделась дома. Богдасика из яслей забирали по очереди, но Ольга чаще Ростислава, потому что освобождалась раньше. Нина Григорьевна в очереди не участвовала, обязанности управляющей держали ее на работе допоздна. Потом Ростик потихоньку перевесил ясли на жену. Она какое-то время терпела, пока ее терпение не лопнуло.

– Интересно ты устроился?! Других деток то папы, то мамы забирают, а про нас с Богдасиком можно подумать, что, мол, сирота и мать одиночка!

– Ты же раньше заканчиваешь! – парировал Ростик, у которого завелась неприятная привычка поздно заявляться домой. Он, в последнее время вообще казался загадочным, и был рассеян, что случается с ушедшими в себя людьми. Ольгу это бесило.

– Правильно! – вспыхнула она. – Я раньше всех освобождаюсь, мотаюсь по магазинам с высунутым языком, вожусь с Богдашей, готовлю жрать, а еще вылизываю эту чертову квартиру. Так, может, я и есть одиночка?

– Интересная мысль, – согласился Ростик.

– Бабушки у нас нет, а теперь и папа исчез?! У всех бабушки, как бабушки, с внуками сидят, а у Богдана особый случай, ответственная банкирша, Синий Чулок!

Нина Григорьевна, к несчастью, как раз объявившаяся в дверях, ухватилась за последнюю фразу:

– Что?! Это ты про меня?!

– Вам на внука наплевать.

– Ах, ты... – Нина колебалась с определением, но, в конце концов пошла по минимуму. – Бессовестная. На скамеечке мне вязать?! Устала по магазинам бегать?! По каким, спрашивается?! – По социальному статусу Нина Григорьевна стояла несравненно ниже покойного тестя Ростислава Капонира. Сдербанк, в конце концов, не ЦК. Но, ее положение было достаточно высоким, чтобы пользоваться закрытым распределителем, без которого и про молоко, и про финских кур, и про апельсины можно было смело забыть. Перестройка близилась к завершению, злые языки шутили, что за ней последует Перестрелка, а потом Перепись оставшегося населения. Как бы там ни было, прилавки магазинов были пусты. Богдасик, ставший по милости безмолочной Ольги искусственным, был вскормлен на югославских смесях для малюток, которые в магазинах для простых смертных и искать не имело смысла. К концу десятилетия товарный дефицит стал таким же атрибутом действительности, как красные знамена и портреты Ильича. Чтобы купить обыкновенное молоко, надо было здорово расстараться. На работе у Ростика дефицитные товары распределялись посредством лотереи, предполагавшей шляпу и бумажки с крестиками. В целях торжества справедливости везунчики исключались из следующего розыгрыша, так что счастливый обладатель банки кофе «Пеле» утрачивал шансы полакомиться конфетами. Как-то раз Ростик подфартило ухватить при жеребьевке вошедшие в моду дамские ботфорты, но сотрудницы планово-экономического устроили бунт, исключив мужчин из общего списка. «При чем тут жены сотрудников?!» – вопили бухгалтерши с экономистками, разыгрывая лотерею заново. При втором розыгрыше ботфорты достались Циле Михайловне, ведущему инженеру ПЭО, рост которой не превышал полутора метров. Местные остряки на следующий же день присовокупили к сапогам подтяжки, исключительно для удобства ношения. С Цилей Михайловной приключилась истерика.

В «Буревестнике» у Ольги тоже изредка случались пайки, индюшачьими крылышками и сигаретами «Ватра», курить которые следовало вертикально, чтобы не высыпался вонючий табак. Все это напоминало блокаду Ленинграда, перенесенную на одну шестую часть суши, а такое было не под силу даже Гитлеру, в лучшие его денечки.

Так что возмущение Нины Григорьевны основывалось не на пустом месте. Кормящей дланью семьи по-прежнему выступала она. Быстро осознав этот непреложный факт, Ольга решительно переключилась на Ростика:

– Совсем совесть потерял. Можно подумать, Богдасик тебе чужой.

– Тебе виднее. – Огрызнулся Ростик.

В конце концов Ольга заподозрила, что у Ростислава другая женщина. Однако это было не так. Как уже известно Читателю, Ростик обрел новую веру. Каким образом он приобщился к кришнаитам, Ольга так толком и не узнала. Впрочем, это не имело значения. Инфицирование было на лицо, болезнь протекала тяжело, чем лечить, оставалось гадать.

– Имя мое Брахмавайвата, – заявил Ростислав, после чего Ольга так и села. Нина Григорьевна пришла на помощь, но она давненько утратила былое влияние. Наличные лекарства оказались дерьмом. Ростик стоял на своем, непоколебимо, как Александрийский столб.

Крещеная мать в оккупированном Киеве и не ведавшая этого Нина была воспитана в духе воинствующего атеизма, пронизывавшего советскую общеобразовательную систему. Немного модифицированного со времен «Мы церкви и тюрьмы сравниваем с землей...», (с тюрьмами приключилась промашка), но, не менее ортодоксального. Табунами батюшек никто не стрелял, как бывало на заре эпохи, ну так и батюшки стали иными, приспособившись к тоталитаризму, как некогда к самодержавию. Злые языки даже болтали, что все они члены КПСС, и, как минимум, половина, стучит КГБ, закладывая собственную паству.

Эти разговоры отвращали от церкви. Но, не от Бога, ни в коем случае. Просто сложился некий водораздел, отсекающий выдуманные людьми религиозные обряды от Бога, к которому

обращаешься, когда по-настоящему тяжело, то есть когда больше обратиться не к кому. Нина Григорьевна не знала молитв, что, впрочем, вовсе не мешало молиться. Когда Ростик в младенчестве заболел пневмонией, она находила для Бога такие слова, каких не сыщешь ни в одной шпаргалке. Бог, очевидно, все это слышал тысячи раз, но не отвернулся, и помог Ростику. С тех пор Нина изредка посещала церковь. Стояла, прикрыв глаза, вслушиваясь в баюкающий треск свечей, в застенчивое шарканье ног и вздохи, уносящиеся к сводам, под купол.

То же, что стряслось с Ростиславом, происходило на совершенно другом духовном уровне. Он даже от имени своего отрекся, отказавшись от семьи, отвергнув материальные блага и будущую карьеру с такой страстью, которая, очевидно, отличала христианских отшельников, удалявшихся некогда в подземные катакомбы, и какая нынешним церковным чиновникам, вероятно, не снилась даже в бреду. Слишком много в нынешних церковных институтах финансово-экономических составляющих, карьеризма и канцелярщины, чтобы осталось место для веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.